

KASHA

№ 1 (36)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2007

Подписка на журнал «Клио»
осуществляется по каталогу «Роспечати».
Индекс 14243

Резюме всех статей журнала «Клио» включены
в International Bibliography of the Social Sciences
(www.ibss.ac.uk)

К Л И О

Журнал для ученых

№ 1 (36)

Издательство
«НЕСТОР»
2007

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

- Эпоха Второй мировой войны глазами переживших ее детей. Публикация *Л.Н. Юсуповой* (Петрозаводск) 3
- Пятницкий В.О.* (Санкт-Петербург). М. Трисслер – организатор советской внешней разведки 11

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Назаров В.В.* (Балашов). Земская медицина в современной отечественной историографии 14
- Ипполитов Г.М.* (Самара). Моральный дух русской армии: из истории изучения проблемы (1870–1904 гг.) 18

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Садыхова А.А.* (Санкт-Петербург). Египет: феномен президентской власти 26
- Полищук И.С.* (Тюрь). Исторический труд Анны Комниной «Алексиада» как источник по истории XI–XII вв. (основные особенности исторического метода византийского писателя). *Окончание* 29
- Первые признательные показания Н.И. Бухарина на Лубянке. Публикация *Г. Ферра (США), В. Боброва (Россия)* 38

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Бугашев С.И.* (Санкт-Петербург). Великобритания против «Фамильного пакта». Англо-франко-испанские отношения после окончания Семилетней войны (1763–1765 гг.) 53
- Сагалова А.Л.* (Санкт-Петербург). Принцип коллективной безопасности во внешнеполитических концепциях британских лейбористов в 1940-е гг. (на примере взглядов К. Эттли, Х. Далтона, Э. Бевина) 61

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Емелина М.А.* (Санкт-Петербург). Высылка маркиза де Ла Шетарди 68
- Салчинкина А.Р.* (Краснодар). Специфика боевых действий на Кавказе в 1817–1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса 72
- Павлов В. Е.* (Санкт-Петербург). Император Александр III и транспорт России 76
- Кузнецов В.Д.* (Санкт-Петербург). Влияние Русской православной церкви на учащиеся России в 80–90-е гг. XIX в. 80
- Омельяничук И.В.* (Харьков, Украина). Монархические «академические корпорации» в учебных заведениях России (1901–1914 гг.) 87
- Кувшинов В.А.* (Москва). Poleмика в кадетской эмиграции после раскола: причины, кто виноват? 93

ПРОШЛОЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

- Елисова Н.Н.* (Мурманск). Мурманский край: история его освоения и изучения 99
- Горбунов С.В.* (Стерлитамак). Эвакуация заводов и фабрик, населения и учреждений на территорию Башкирии и их размещение в годы Великой Отечественной войны 103
- Надькин Т.Д.* (Саранск). Социальный протест колхозного крестьянства Мордовии в первые послевоенные годы 109

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Киличенков А.А.* (Москва). «Упреков не заслужил... постараюсь честно и умереть» (из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.) 115

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАБОТЫ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

- Старцев В.И.* (Санкт-Петербург). Мог ли быть Сталин смещен с поста генерального секретаря в 1923 г.? 127

ПЕРСОНАЖИ ИСТОРИИ

- Штейн М.Г.* (Санкт-Петербург). Генеалогическое древо В.И. Ульянова (Н. Ленина) 136

МНЕНИЕ

- Асадуллин Э.Ф.* (Стерлитамак). Виртуальный подход в истории. Основные положения концептуальной модели 138

РЕЦЕНЗИИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ

- Кан А.С.* (Упсала, Швеция). История норвежских вооруженных сил 146

Лециловская И.И. (Москва). Книга о единении православных народов Балкан и России в противостоянии Османской империи	149
Измозик В.С. (Санкт-Петербург). О российской истории, о друзьях и о себе	151
Булгакова Л.А. (Санкт-Петербург). Рецензия на книгу М.Ф. Хартанович «Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. Исторические очерки»	153
Ершова Э.Б. (Москва). Открывая новые документы... Рецензия на книгу «Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви»	157
Булдыгина Т.А. (Ставрополь). Новая страница интеллектуальной истории советского общества	158
Мерзлякова Г.В. (Ижевск). Рецензия на книгу «История Удмуртии: XX век»	161
Феоктистова О.Н. (Самара). Постсоветский взгляд на советскую проблему. Рецензия на монографию В.В. Рыбникова, Н.Я. Елисеевой «Мы не рабы, рабы не мы». Просветительная деятельность советской власти в Красной армии в годы Гражданской войны в России (1918–1920 гг.): исторический опыт, уроки»	162
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Прошли научные конференции	165

CONTENTS

CONTEMPORARY MEMOIRS

- World War II in the eyes of children who survived it. Publication by **L.N. Yusupova** (Petrozavodsk) 3
The author of publication prepared for the press a number of recollections about the World War II of those people, who survived it when children. One of the authors – the inhabitant of a Belorussian village – was sent on the forced works in Germany, the second author at the age of 11 became a prisoner of Finnish concentration camp in Petrozavodsk. Recollections are prepared on the basis of oral interviews.
- Pyatnitskiy V.O.** (Saint Petersburg). M. Trilisser – the organizer of the Soviet intelligence service 11
The author is the son of well-known Bolshevik-Leninist Osip Pyatnitskiy. From his childhood he knew many of the Soviet intelligence officers. Among them was M. Trilisser, with whose family the Pyatnitskiys were friends.

HISTORIOGRAPHY

- Nazarov V.V.** (Balashov). County (Zemstvo) medicine in the contemporary domestic historiography 14
Analyzing the content of domestic publications in the last 40 years, the author determines the basic tendencies and the prospects for the development of the study of zemstvo medicine history in Russia.
- Ippolitov G.M.** (Samara). Moral spirit of the Russian army: from the history of the research on the problem (1870–1904) 18
Based on the study of wide circle of memoir and other literature, contributor proposes original view on the dynamics of the moral spirit of Russian soldiers in last quarter of 19th – beginning of 20th century.

SOURCE STUDIES

- Sadykhova A.A.** (Saint Petersburg). Egypt: the phenomenon of the presidential authority 26
The author reveals the original point of view apropos of the originality of the Presidential authority in Egypt, which has its rich history and prehistory.
- Polyshchuk I.S.** (Tver). Historical labor of Anna Komnina «Alexiada» as a resource on the history of XI–XII centuries. Basic special features of the historical method of the Byzantine writer (ending) 29
The article was edited many years ago, but it has been published for the first time. The original thoughts of the author laying as its basis formed the structured system of views after the two-year-old thorough study of the text of «Alexiada», containing about 400 pages.
- N.I. Bukharin's first confessions in Lubyanka. Publication by **G. Ferra** (USA), **V. Bobrov** (Russia) 38
Using the wide circle of materials the authors of publication prove authenticity of N.I. Bukharin's confessions, given in the course of the examination on June 2, 1937. N.I. Bukharin's personal confessions minutes are published with the commentaries by the authors of the opening chapter.

UNIVERSAL HISTORY

- Bugashev S.I.** (Saint Petersburg). Great Britain against the «Family Pact». English-French-Spanish relations after the end of the Seven Years War (1763–1765) 53
Using the information from the numerous English publications, including those published in the early 1900-s, the author makes conclusions about «calm» nature of the English-French relations of that period, the domination of English diplomacy and weakness of the military-political positions of France and Spain after the end of the Seven Years War.
- Sagalova A.L.** (Saint Petersburg). Principle of collective security in the foreign policy concepts of the British laborists in the 1940-s (based on the example of the views of C. Attlee, H. Dalton, E. Bevin) 61
Having analyzed the English historiography of the 1940–2000-s, the author comes to the conclusion that Great Britain and its partners in NATO in 1940–1950-s became the more reliable stronghold of collective security, than the United Nations.

HISTORY OF RUSSIA

- Emelina M.A.** (Saint Petersburg). The renvoi of marquise de La Chetardi 68
The article treats of the stay of the French diplomat marquise Joachim Jacques de La Chetardi in Russia during the period of Empress Elizabeth administration, his intrigues and position with the court. Special attention is given to the circumstances of his disclosure and renvoi from the Russian Empire. The author uses rare publications of the last third of 19th century and the documents of the archive of the St. Petersburg Institute of History (Russian Academy of Science).
- Salchinkina A.R.** (Krasnodar). Specific character of the military actions in the Caucasus in 1817–1864 in the eyes of the officers of the separate Caucasian Independent Corps 72
Having studied the memoir literature of the second half of 19th century and contemporary historiography, contributor focuses attention on the specific features of the Caucasus War, which distinguish it from other wars.
- Pavlov V.E.** (Saint Petersburg). Emperor Alexander IIIrd and the Russian transport 76
The former rector of the St. Petersburg State University of Communications for the first time ever draws the reader's attention to the role of emperor Alexander III in the development of the Russian transport system.

Kuznetsov V.D. (Saint Petersburg). Influence of the Orthodox Church on the Russian students in 1880–90-s. ... 80 <i>The contributor claims that in the late 19th century the connections between the Church and the students of Russia weakened sharply, which was the consequence of the atheistic ideas permeated among the large part of the high school and college students.</i>	
Omelyanchuk I.V. (Kharkov, the Ukraine). Monarchist «academic corporations» in the educational institutions of Russia (1901–1914)..... 87 <i>Having analyzed numerous archive documents, the author proves, that, in spite of a number of the successes of authorities in the fight with the student strike movement in the early 20th century, it was impossible to eradicate revolutionary ideas at the universities.</i>	
Kuvshinov V.A. (Moscow). Debate among the cadet (members of Constitutional Democracy party) émigrés after the split-up: reason, who is guilty? 93 <i>On the basis of the study of various archive documents, contributor asserts that the reason for the split-up of the cadet party is not only questions of tactics and strategy of actions, but also the personal intolerance of party leaders towards each other.</i>	
PAST OF THE REGIONS OF RUSSIA	
Elisova N.N. (Murmansk) The Murmansk region: history of its exploration and study 99 <i>Several periods of the Kola Transarctic have been allocated in the article and estimation is given to the participation of different social groups in the formation of the population of Maritime.</i>	
Gorbunov S.V. (Sterlitamak). Evacuation of plants and factories, population and establishments to the territory of Bashkirya and their arrangement in the years of the World War II 103 <i>The history of the evacuation of Soviet plants and factories, population and establishments and their arrangement in the years of World War II to Bashkirya is investigated in the article.</i>	
Nad'kin T.D. (Saransk). Social protest of the collective farm peasantry of Mordovia in the first postwar years ... 109 <i>After introducing into the scientific revolution the numerous archive documents of Mordovia, the author notes that the multinational peasantry of Middle Volga Region attempted to resist to unjustifiably high withdrawal of resources from Volga villages.</i>	
MILITARY HISTORY	
Kilichenkov A.A. (Moscow). «I did not deserve a reproache... and will try to die honestly as well» (from the history of Russian-Japanese War of 1904–1905) 115 <i>In the article, numerous documents published before the revolution are introduced into the revolution, on the basis of which the conclusion is made about the foreordained nature of defeat of Russia in the war with Japan in 1905.</i>	
UNKNOWN WORKS OF THE RUSSIAN HISTORIANS	
Startsev V.I. (Saint Petersburg). Could Stalin be displaced from the post of Secretary General in 1923? 127 <i>In the article, based on the analysis of Bolshevik documents and publications by V.I. Lenin and I.V. Stalin, the conclusion is made that the fight inside RKP(b) was caused not by national interests, but by the striving for individual authority.</i>	
CHARACTERS OF THE HISTORY	
Stein M.G. (Saint Petersburg). Genealogical tree of V.I. Ulyanov (Lenin)..... 136 <i>For the first time the most detailed information about the genealogy V.I. Ulyanov (Lenin) is published beginning from his ancestors born in the middle of 13th century.</i>	
OPINION	
Asadullin E.F. (Sterlitamak). Virtual approach in the history (basic condition of conceptual model) 138 <i>The author suggests using the original conceptual model of virtual history in historical research.</i>	
REVIEWS OF THE SCIENTIFIC PUBLICATIONS	
Kahn A.S. (Uppsala, Sweden). History of the Norwegian armed forces 146 <i>In the review, the in-depth analysis of the dynamics of Norwegian army is approved, the content of 5- languid publication is assessed positively.</i>	
Leshchilovskaya I.I. (Moscow). Book about the unity of the Orthodox peoples in the Balkans and Russia in the opposition to the Osman empire 149 <i>Evaluating the book by V.A. Zolotarev «Under the Christian Orthodox cross. Essays, descriptions, documents», the reviewer notes that it is an honest, deep, soul-taking and mind-raising book.</i>	
Izmozik V.S. (Saint Petersburg). On the Russian history, about the friends and myself..... 151 <i>In the review both the strong sides of monograph and the number of deficiencies are noted, in essence of information nature.</i>	
Bulgakova L.A. (Saint Petersburg). Review of the book M.F. Khartanovich «The humanitarian scientific establishments of Saint Petersburg in the 19 th century. Historical descriptions» 153 <i>In the positive review, the depth of the author's study of 31 humanitarian scientific establishment of Saint Petersburg is noted.</i>	

Ershova E.B. (Moscow). Opening new documents.....	157
<i>In the review, the position of the author considering that the Russian Orthodox Church must share responsibility for tragic events of 1917 is positively estimated.</i>	
Bulygina T.A. (Stavropol'). The new page of the intellectual history of the Soviet society.....	158
<i>The publication is evaluated as the model of the synthesis of scientific developments and pedagogical experience of the author.</i>	
Merzlyakova G.V. (Izhevsk). Review of the book "The history of Udmurtia: the 20 th century".....	161
<i>The authors of the publication, in the reviewer's opinion of have been able to create the real picture of the development of Udmurtia in the 20th century, to determine the basic tendencies of the contemporary appearance of the Udmurt Republic.</i>	
Feoktistova O.N. (Samara). Post-Soviet view on the Soviet problem.....	162
<i>In the positive review it is emphasized that the monograph is a complex study, which reflects both positive and negative experience of enlightenment work among the Red Army men.</i>	
SCIENTIFIC LIFE	
Forthcoming scientific conferences	165

- ¹⁴⁸ Алексиада. С. 381, 426.
¹⁴⁹ Каждан А.П. Быт и культура Византии // Преподавание истории в школе. 1995. № 1. С. 60.
¹⁵⁰ Там же. С. 61.
¹⁵¹ Слова Телемаха их «Одиссеи» (См.: Алексиада. С. 155; Любарский Я.Н. Комментарии. С. 499).
¹⁵² Алексиада. С. 55.
¹⁵³ Любарский Я.Н. Комментарий. С. 440.
¹⁵⁴ Алексиада. С. 91; Любарский Я.Н. Комментарий. С. 464
¹⁵⁵ Скабланович Н. Византийское общество и церковь... Введение. С. XXII.
¹⁵⁶ Диль Ш. Византийские портреты. Вып. II. С. 34.
¹⁵⁷ Фрейберг Л.А., Попова Т.В. называют ее одной из самых выдающихся эрудитов своего времени (см.: Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета (IX–XI вв.). М., 1978. С. 135).
¹⁵⁸ Диль Ш. Византийские портреты. Вып. II. С. 33.
¹⁵⁹ Любарский Я.Н. Предисловие. С. 30.
¹⁶⁰ Диль Ш. Византийские портреты. Вып. II. С. 34.
¹⁶¹ Алексиада. С. 53; Любарский Я.Н. Предисловие. С. 48; Комментарий. С. 437; Сокращенное сказание... С. 1–2;
Диль Ш. Византийские портреты. Вып. II. С. 32.
¹⁶² Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Указ. соч. С. 9.
¹⁶³ Всемирная история. Т. 3. С. 418; Диль Ш. Византийские портреты. Вып. II. С. 32; Любарский Я.Н. Предисловие. С. 42.
¹⁶⁴ Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Указ. соч. С. 10.
¹⁶⁵ Алексиада. С. 175.
¹⁶⁶ Любарский Я.Н. Мировоззрение... С. 152.
¹⁶⁷ Вдова старшего брата Мануила I, Андроника, севастократориса (см.: Любарский Я.Н. Предисловие. С. 33).
¹⁶⁸ Каждан А.П. Два новых византийских памятника... С. 65.
¹⁶⁹ Алексиада. С. 53; Любарский Я.Н. Комментарий. С. 510.
¹⁷⁰ Алексиада. С. 53; Любарский Я.Н. Мировоззрение... С. 152; Предисловие. Он же. Византийская семья // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 214; Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. С. 148, 149; Чигуров И.С. Новые рукописные сведения о византийском образовании. М., 1971. ВВ. 31. С. 238–239; Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Указ. соч. С. 111.
¹⁷¹ Каждан А.П. Быт и культура Византии // Преп. ист. в шк. 1995. № 1. С. 58; Любарский Я.Н. Предисловие. С. 34–36.
¹⁷² Алексиада. С. 54, 78, 354 и сл.; Диль Ш. Византийские портреты. Вып. I. С. 49, 348; Вып. II. С. 42, 54.
¹⁷³ Каждан А.П. Византийская семья // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 215.
¹⁷⁴ Любарский Я.Н. Об источниках «Алексиады»... С. 101; Диль Ш. Византийские портреты. Вып. II. С. 40.
¹⁷⁵ Алексиада. С. 130.
¹⁷⁶ Там же. С. 155.
¹⁷⁷ Там же. С. 118; Любарский Я.Н. Комментарий. С. 499.
¹⁷⁸ Алексиада. С. 433; Любарский Я.Н. Комментарий. С. 629, 630; Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Указ. соч. С. 138.
¹⁷⁹ Любарский Я.Н. Мировоззрение... С. 162, 165.
¹⁸⁰ Алексиада. С. 121–122.
¹⁸¹ Там же. С. 54, 75, 154; Любарский Я.Н. Мировоззрение... С. 161–162.
¹⁸² Любарский Я.Н. Предисловие. С. 25; Он же. Мировоззрение... С. 164.
¹⁸³ Любарский Я.Н. Комментарий. С. 459.

ГРОВЕР ФЕРР

доктор философии
(Монклер, США),
Монклерский государственный университет

ВЛАДИМИР БОБРОВ

(Москва),
переводчик и журналист

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Н.И. БУХАРИНА НА ЛУБЯНКЕ

Николай Иванович Бухарин (1888–1938) остается одной из самых загадочных фигур советской истории. Его реабилитация состоялась в 1988 г., но до сих пор не опубликовано ни одного исторического свидетельства, доказывающего справедливость этого вердикта. Все документы, изданные в период «бухаринского бума» 1990-х гг., так или иначе затрагивают вопрос о выдвинутых обвинениях, но лишь в единственном случае – в письме к И.В. Сталину от 10 декабря 1937 г. – Бухарин сказал решительное «нет» вменяемым ему в вину преступлениям, тогда как все остальные документы, в том числе и другие его письма, скорее, свидетельствуют об обратном.

Значительное число источников, связанных с последним периодом жизни Бухарина, по-прежнему недоступно для историков¹. В данной публикации вниманию читателей предлагается документ, который относится как раз к этому малоизвестному и, в сущности, малоисследованному этапу жизненного пути Бухарина – этапу, который все еще хранит множество тайн и неразгаданных загадок. Речь идет о найденных в так называемом «архиве Волкогонова» самых первых признательных показаниях Бухарина, написанных им 2 июня 1937 г., т.е. через три месяца пребывания на Лубянке. По мнению публикаторов, документ позволяет увидеть в несколько ином свете ранее хорошо известные факты и сведения из жизни Бухарина.

ЧАСТЬ 1. ВНЕШНЯЯ КРИТИКА ДОКУМЕНТА

«Архив Волгогонова»: что это?

Архив генерал-полковника Д.А. Волгогонова (1928–1995), военного историка, писателя, депутата Верховного совета СССР и советника Президента РФ, комплектовался во время его работы над серией биографических книг о политических лидерах Советского Союза. Пользуясь привилегированным доступом к бывшим советским архивам, историк в течение длительного времени подбирал в свою коллекцию фотокопии документов, часть которых до сих пор малоизвестна исследователям. Незадолго до смерти генерал постарался, чтобы фотокопии из его коллекции оказались в Библиотеке Конгресса США, куда в конце концов они в два этапа были переданы членами семьи Дмитрия Антоновича в 1996 и 2000 гг.

В настоящее время «архив Волгогонова» (31 коробка с фотокопиями и 20 микрофильмов) хранится в отделе рукописей Библиотеки Конгресса² и открыт для работы исследователей. Документы охватывают период 1763–1995 гг., но преимущественно относятся к советскому времени. Все они сгруппированы в 16 серий; причем 13 из них соответствуют архивным учреждениям, откуда они в свое время были скопированы, а еще 3 серии – личные бумаги Волгогонова, крупноформатные документы и другие материалы.

По словам П. Гримстед, вплоть до 2000 г. доступ к архиву был ограничен. Но и после его открытия сохранились некоторые неудобства. Так, приходится мириться с тем, что до сих пор нет подробной описи хранящихся документов. Весь архив, как отмечалось, состоит из фотокопий и микрофильмов с фотокопий, причем далеко не все из них изначально выполнены с надлежащим качеством; поэтому в ряде случаев остается только сетовать на неразборчивость текста, особенно в части пометок на документах, надписей и рукописных вставок.

Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что историки по обе стороны океана пока мало используют копии из волгогоновской коллекции, хотя архивный доступ к оригиналам тех же документов в ЦА ФСБ или АП РФ зачастую ограничен или вообще невозможен.

Предлагаемый вниманию документ обнаружен в результате систематического изучения содержимого отдельных частей архива среди копий документов по «делу Бухарина» в коробке № 21, микрофильм 13–14.

Доказательства подлинности документа

Сама структура «архива Волгогонова» подразумевает, что все помещенные там фотокопии сделаны с документов, оригиналы которых хранятся в архивных фондах Российской Федерации. Но так ли это? Вопрос отнюдь не праздный: в последние годы появилось немало «документов ниоткуда» – источников весьма сомнительного происхождения, неподлинность которых иногда не вызывает даже сомнений. Пример тому – весьма известная история с обнаружением фальшивых «постановлений Политбюро ВКП(б)» и их фотокопиями в Гуверовском институте в США³.

Поэтому, строго говоря, для корректного использования волгогоновских копий следует заранее позаботиться о поиске доказательств подлинности используемого документа, что для некоторых документов может вылиться в самостоятельную проблему.

В нашем случае сомнения разрешились довольно просто: показания Бухарина от 2 июня 1937 г. упоминаются в работах ряда современных исследователей (С. Козн, Б.А. Старков)⁴, причем в каждом случае вне какой бы то ни было связи с «волгогоновским архивом» в США.

Правда, в самой волгогоновской биографии Сталина об июньских показаниях Бухарина нигде не упоминается. Однако в данном случае нет особых противоречий: работа над биографией Сталина завершилась, по словам историка, в 1985 г.⁵, когда многие из источников фактически были Волгогонову недоступны и попали в его личный архив годы спустя⁶.

Но, пожалуй, наиболее убедительные аргументы в пользу подлинности можно отыскать в изданной еще в 1938 г. стенограмме процесса по делу правотроцкистского блока, где, с одной стороны, сам Бухарин заявил, что «около 3-х месяцев заперался»⁷, а с другой – государственный обвинитель А.Я. Вышинский дважды процитировал интересующий нас документ. В обоих случаях цитаты и исходный текст совпадают слово в слово. Причем в одном из случаев выдержка из бухаринских признаний приводится вообще без ссылок на первоисточник, поэтому, если бы документ кем-то подделывался, у предполагаемого фальсификатора не было ни малейших оснований включать в текст цитату неизвестного для него происхождения.

Все сказанное служит неопровержимым доказательством подлинности исследуемого источника⁸.

ЧАСТЬ 2. ВНУТРЕННЯЯ КРИТИКА ДОКУМЕНТА

Признания Бухарина в зеркале реабилитационной Комиссии ЦК КПСС 1988 г.

Вопрос об оценке признательных показаний Бухарина нельзя рассматривать в отрыве от материалов по его реабилитации 1988 г. Однако в силу многоаспектности самой проблемы отошлем заинтересованного читателя к монографии М. Юнге; здесь же лишь отметим, что, по мнению немецкого автора, «реабилитация в Советском Союзе осталась актом политико-административного произвола, определявшегося прежде всего политической целесообразностью, а не уголовно-правовой корректностью»⁹. Этот вывод справедлив и для реабилитаций периода горбачевской «перестройки» и «гласности».

Действительно, решения о юридической и партийной реабилитации Бухарина стали прямым следствием нового курса и политических установок, сформулированных генеральным секретарем Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачевым на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС и в речи, посвященной 70-летию Октябрьской революции, еще до изучения каких-либо исторических или уголовно-следственных материалов¹⁰. Из стенограмм заседаний Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30–40-х и начала 50-х гг. (председатель М.С. Соломенцев), следует, что ее участники исправно придерживались не только духа, но и буквы этих докладов, опирались на личное мнение Горбачева по данному вопросу¹¹.

Несмотря на необъективность и заданность решений, реабилитационная Комиссия в своей работе, в сущности, столкнулась с тем же кругом проблем, который имеет значение и для нас. А именно: как следует оценивать достоверность покаянных признаний Бухарина? Наш интерес к материалам Комиссии не в последнюю очередь связан еще и с тем, что в ее поле зрения попал сам публикуемый ниже документ – показания Бухарина от 2 июня 1937 г.

Небезынтересно, что среди прочего Комиссию привлек вопрос и об аутентичности документа, ибо «когда рассматривался этот материал в 1961 г., оказалось, что этих первых показаний в деле не было. Потом их нашли и в это дело поместили». Комиссия обратила внимание и на то, что «первые показания написаны им [Бухариным] собственноручно. Он все отрицал. А потом стал признавать. И с этого момента, когда он стал признавать, есть материал, написанный на машинке»¹². Но, поскольку каждая машинописная страница бухаринских показаний была заверена его личной подписью¹³, вопрос об авторстве документа у реабилитационной Комиссии отпал. Возможно, свою роль сыграл тот факт, что подлинность показаний, судя по документам, не вызвала сомнений и в 1961 г.

Так или иначе, Соломенцев счел необходимым подробно остановиться на содержании первых показаний Бухарина, сказав об этом так:

«Там он [Бухарин] начинает полностью себя разоблачать. Причем берет историю начала его отклонения от ленинского курса, когда это началось, почему это началось. И он подходит к этому периоду, когда они стали блокироваться с троцкистами. Чем он объясняет? Одно время положение в стране было очень тяжелое. В партийных рядах становится много недовольных. И тогда они рассчитывали на то, что могут поменять руководство путем решения этого вопроса на пленуме демократическими путями или же каким-то другим [путем], без применения террора. Потом, когда прошло какое-то время, они увидели, что положение в стране поправляется, положение Сталина становится более прочным, его поддерживает большинство в партии, в народе. Он завоевывает авторитет. Теперь они говорят, что такими методами они не могут с ним справиться. Единственный метод – это террор. В связи с этим они тогда начали искать контакты с троцкистами. Главный, кто вел это дело, был Томский. Потом и Бухарин, и Рыков в этих встречах в меньшей мере участвовали. Тогда они стали договариваться об этой форме борьбы и на каком-то этапе пошли на контакт»¹⁴.

Увы, предложенная Соломенцевым интерпретация не вполне точно отражает содержание документа, ибо в дополнение к показаниям об эволюции своих взглядов Бухарин сделал ряд других очень важных признаний. В частности, он подтвердил существование подпольной сети, или тайного оппозиционного «блока» высокопоставленных заговорщиков против советского правительства, их связь с высланным из СССР Л.Д. Троцким и занимающими высокое положение военачальниками, включая маршала М.Н. Тухачевского, наличие контактов Троцкого и группы военных с нацистской Германией. Бухарин также засвидетельствовал, что в качестве политической программы блок принял «рютинскую платформу» и разработал план «дворцового переворота» с целью отстранения Сталина и его ближайших соратников от власти, не останавливаясь перед такими крайними мерами политической борьбы, как убийства (террор).

Несмотря на искаженное изложение материала, очень показательным, что такому искушенному партийному аппаратчику, как Соломенцев, кажется логичной и правдоподобной эволюция Бухарина из сторонника большевистской демократии в политика, поддерживающего крайне жесткие, вплоть до террора, методы борьбы со Сталиным и готового ради этой борьбы пойти на союз с такими силами, как троцкисты. Заметим, что последнее даже на языке «гласности» означало альянс с убежденными антагонистами ВКП(б) и врагами СССР.

Еще обратим внимание, что в данном случае Соломенцев отступил от господствовавшей еще со времен «закрытого доклада» Н.С. Хрущева (1956) точки

зрения, согласно которой никаких оппозиционных Сталину сил и течений внутри ВКП(б) не существовало. Очевидно, утверждая противоположное, Соломенцев исходил не из официозных теорий, а из опыта своей партийно-аппаратной работы в ЦК КПСС, а среди прочего – как свидетель и один из пассивных участников антихрущевского переворота 1964 г.

Следующий из вопросов, привлечший внимание членов Комиссии, связан с признаниями Бухарина своей вины на разных этапах предварительного следствия и на процессе.

Если обратиться к доступным сегодня историческим материалам, легко обнаружить, как Бухарин признал свою вину сначала на предварительном следствии в НКВД, затем во время допросов Прокурора СССР Вышинского и после того – как минимум еще трижды – в ходе судебного заседания. Все эти случаи поименованы Бухариным в его последнем слове на процессе (недавно оно без каких-либо редакционных купюр опубликовано в журнале «Историк»¹⁵). В отсутствие аргументированных сомнений (а именно с таким случаем мы имеем дело) признания, полученные от подозреваемого на следствии и подтвержденные в суде, в мировой юридической практике принято считать правдивыми; соответственно, преступления, в которых сознался обвиняемый и многожды подтвердил их, в том числе в суде, принято считать действительно им совершенными.

Важно отметить: перечень обвинений, выдвинутых против Бухарина на суде, и список того, в чем он сознался как в своих преступлениях, не совпадают. Вышинский добивался от него признаний по гораздо более широкому кругу обвинений. Но Бухарин был постоянно активен, то и дело пререкался с государственным обвинителем, пытаясь отклонить многие из этих обвинений как несправедливые или недоказанные.

Но в том-то все и дело, что в одних случаях Бухарин твердо и решительно отстаивал свою невиновность, а в других – не делал даже робких попыток что-либо опровергнуть. Возникает вопрос: почему?

Согласно одной весьма популярной версии, признания Бухарина следует считать завуалированной попыткой отрицания выдвинутых против него обвинений средствами «эзопова языка»¹⁶. Но то, в чем он действительно признался, с лихвой хватило бы для вынесения смертного приговора. Причем сопоставление, например, самых первых признательных показаний Бухарина с тем, что было написано или сказано им на последующих этапах следствия и в суде, показывает смысловую устойчивость его утверждений, их очень близкое соответствие друг другу.

В частности, речь идет о признаниях Бухарина в принадлежности к подпольной антисоветской организации «правых», «в подготовке заговора – “дворцового переворота”, в подготовке государственного переворота» и планах убийства Сталина¹⁷. Имеющиеся в показаниях небольшие расхождения и отсутствие в них некоторых эпизодов объясняются, скорее, не навязыванием извне, а начальным этапом следственных действий. Ведь, как уже говорилось, 2 июня 1937 г. Бухарин дал самые первые признательные показания после ареста 27 февраля того же года.

Складывается впечатление, что Бухарин действительно хотел отклонить, отвести от себя обвинения лишь в тех преступлениях, которые не совершал, но вынужден был сознаваться, когда чувствовал свою ответственность за содеянное.

Остается сказать, что реабилитационная Комиссия не стала углубляться в смысловые нюансы бухаринских признаний, предложив весьма ловкий выход из щекотливого положения: стенограммы

процесса решено было считать «недостовверными, неправдивыми», а следственные и судебные материалы – сфальсифицированными, «утратившими и юридическую, и моральную силу»¹⁸.

Бухаринские признания: другие аргументы «против»

Судебно-следственные материалы принадлежат к категории наиболее сложных исторических источников. При использовании их в научных исследованиях всегда есть опасность совершить ошибку, приняв за истину сведения, правдивость которых еще нуждается в доказывании, или, наоборот, исключив из рассмотрения уже установленные факты лишь на том основании, что они взяты из судебно-следственных материалов.

В нашем случае проблема аутентичности имеет другую важную сторону: действительно ли показания принадлежат перу самого Бухарина? Или документ им только подписан? Иначе говоря, есть ли какие-либо следы принуждения Бухарина к тому, чтобы написать (или только заверить своей подписью) «нужные» признания?

В современной историографии среди аргументов, которые обычно приводятся для обоснования неправдивости чьих-либо показаний, чаще всего называют (i) пытки и другие методы физического воздействия, (ii) угрозы подвергнуть репрессиям членов семьи и (iii) вынужденное «сотрудничество» подследственного в надежде сохранить свою жизнь. Ниже будут рассмотрены документальные свидетельства пребывания Бухарина на Лубянке, с помощью которых мы могли бы оценить справедливость приведенных выше доводов. Кроме того, мы вынуждены будем затронуть вопрос о «постановочных» мероприятиях, с помощью которых следователи НКВД готовили Бухарина к процессу по делу правотроцкистского блока.

Сообщая об укоренившихся в практике НКВД истязаниях заключенных, С. Козн, Р. Медведев и даже Р. Конквест почти единодушно отмечают, что на Лубянке Бухарин каким-либо методом физического воздействия не подвергался¹⁹. И в 1988 г., когда тот же вопрос был поднят реабилитационной Комиссией, из КГБ СССР пришло подтверждение, что в архивах госбезопасности не найдено никаких материалов, которые можно было бы расценить как доказательства применения недозволённых методов следствия против Бухарина. Причем сам председатель Комиссии высказал сомнения, что какой-то следователь с меньшим интеллектом был способен манипулировать такими людьми, как Бухарин.

Действительно, все, что нам известно о месяцах проведенных Бухариным в тюрьме, плохо согласуется с версией о «кровавых застенках НКВД». Не секрет, что на Лубянке Бухарин много и очень плодотворно занимался научной и литературной работой. Общий объем написанного им в тюремной камере превышает 50 авторских листов (больше 1 тыс. машинописных страниц) и включает в себя теоретические работы «Философские арабески» и «Социализм и культура», первую часть автобиографического романа «Времена», книгу стихов и ряд менее значительных сочинений.

Таким образом, нет ни прямых, ни косвенных свидетельств, которые бы подтверждали версию о пытках. Вместо этого те же С. Козн и Р. Медведев высказывают предположение, что Бухарин был вынужден давать показания, испугавшись за судьбу жены, малолетнего сына и других своих родственников.

Надо сказать, такая версия впервые вышла из-под пера невозвращенца А. Орлова в 1953 г.²⁰, а все

современные авторы подхватили ее в надежде со временем получить нужные доказательства. Но вплоть до последних лет никакие из известных сейчас источники, включая тюремные письма Бухарина и воспоминания его жены А.М. Лариной, правдивость данной версии не подтверждают. Что касается самого Орлова, вся его «информация» почерпнута из коридорных слухов, которые он собирал среди немногих коллег из НКВД во время своих краткосрочных визитов в Москву из охваченной войной Испании, где Орлов находился во все годы «больших чисток» почти безвыездно²¹.

Здесь, вообще говоря, можно было бы поставить точку, ибо, кроме заверений самого Орлова, никаких иных подтверждений истинности рассказанной им истории нет. Однако авторам показалось интересным посмотреть, как другие известные факты опровергают или подтверждают «теорию Орлова».

Скажем, после выхода в свет книги Орлова очень большую популярность приобрела версия, гласящая, что жена и ребенок стали главным козырем, используя который следователям НКВД удалось вырвать у Бухарина признания в антигосударственных преступлениях. Иными словами, добиться от Бухарина «нужных» показаний удалось только под гарантии неприкосновенности его родственников.

По опубликованным сведениям, исключение Бухарина из ВКП(б) и его арест действительно неблагоприятно сказались на судьбах членов его семьи, но никто из них не подвергся гонениям вплоть до вынесения их имениному родственнику смертного приговора в марте 1938 г.²²

Раньше других была арестована первая жена Бухарина, Н.М. Лукина, и случилось это 30 апреля 1938 г. – через полтора месяца после расстрела бывшего мужа. Из всех родственников она единственная в 1940 г. была приговорена к расстрелу. Младший брат Н.И. Бухарина, Владимир, был взят под стражу в ноябре 1939 г., а вторая жена, Э.И. Гурвич, и дочь Светлана арестованы в 1949 г. Что касается отца, Ивана Гавриловича, он совсем не был подвергнут аресту, но вскоре после февральско-мартовского (1937) Пленума ему было отказано в пенсии. В 1940 г. Бухарин-отец умер своей смертью.

Больше всех настрадалась последняя жена Бухарина, А.М. Ларина. Впрочем, в течение еще трех месяцев после ареста мужа ей удавалось сохранять за собой апартаменты в Кремле, где она проживала как близкий родственник одного из представителей советской партийной элиты. И только после появления признательных показаний Бухарина в июне 1937 г. от нее в конце концов потребовали покинуть Москву и переселиться в один из пяти городов Советского Союза (она выбрала Астрахань). В декабре 1937 г. Ларина попала в лагерь в Томске и там узнала о суде над мужем, а еще через 9 месяцев оказалась в Москве в следственной камере НКВД на Лубянке²³. Ларина провела многие годы в лагере и ссылке, но дожила до глубокой старости и даже дождалась посмертной реабилитации своего мужа.

Выходит, что чем больше Бухарин каялся, тем более жесткие репрессивные меры принимались в отношении его родственников. Ничего не зная о судьбе близких, Бухарин, похоже, сам был одной из причин их моральных и физических страданий; и чем в больших преступлениях он признавался, тем большие мучения и беды выпадали на долю его семьи, а не наоборот. И ничто не указывает на то, что все новые показания Бухарина у него выуживали ценой спасения от репрессий членов его семьи.

Словом, простая проверка только подтверждает уже известное нам: «версия Орлова» безоснова-

тельна во всех отношениях. И остается только сказать, что слух, изложенный в книге Орлова, представляет собой разновидность «истории» более общего характера, согласно которой Бухарин предпринимал-де отчаянные попытки «выторговать» себе что-то у Сталина и НКВД. Все отличия между версиями сводятся лишь к предмету «торга»: в одном случае речь будто бы шла о неприкосновенности членов бухаринской семьи, в другом – о нем самом и сохранении его жизни (если, разумеется, следствие получит «нужные» показания или, по другой версии, если Бухарин надлежащим образом сыграет свою роль на процессе).

На самом деле предсмертные бухаринские документы хотя и проникнуты трогательной надеждой на сохранение жизни, но не содержат даже намека, что, дескать, он, Бухарин, исполнил все именно так, как его просили, и потому-де рассчитывает на пощаду²⁴. Речь, в частности, идет о таких свидетельствах, как последнее письмо к жене («Я пишу тебе накануне процесса...») и официальные прошения о помиловании. Эти источники не дают повода думать, что те или иные лубяжские признания получены от Бухарина вследствие «торга» или какого-нибудь неравноправного «сговора».

(По тем же причинам версию Артура Кестлера в его романе «Слепящая тьма», которая то и дело используется, чтобы объяснить мотивы поведения Бухарина на процессе, тоже следует считать ошибочной. Не затрагивая здесь вопрос о некорректности использования литературно-художественных версий в научно-исторических исследованиях, отметим, что в данном случае вымысел писателя опровергается документами, исходящими от самого Бухарина.)

И, наконец, несколько слов о «сценариях» процесса Бухарина–Рыкова. В литературе нередко утверждается, что идея проведения показательного процесса над Бухариным родилась осенью 1936 г. или даже раньше²⁵. Но в свете документов, которые недавно стали доступны историкам, эти утверждения требуют существенной коррекции.

Как следует из сведений общества «Мемориал», в июне 1937 г. две трети будущих подсудимых оставались на свободе, в том числе такие ключевые фигуры процесса, как Гринько, Розенгольц, Шарангович, Икрамов и Ходжаев²⁶. Особенно любопытно, что имена 15 обвиняемых (их всего 21)²⁷, включая Бухарина и Рыкова, указаны в так называемых сталинских «расстрельных списках», которые составлялись для рассмотрения дел в закрытом и упрощенном порядке²⁸. Основная часть будущих подсудимых по делу правотроцкистского блока была внесена в список «бывших членов и кандидатов ЦК ВКП(б)» от 1 ноября 1937 г. и вычеркнута оттуда рукой неустановленного редактора. Некоторые фигурируют в различных списках дважды (как Раковский) или трижды (как Зубарев), или дважды в одном и том же списке (как Шарангович).

Все это говорит о том, что никакие «сценарии» будущего процесса не были готовы ни в 1935–1936 гг., ни даже 1 ноября 1937 г., когда большой список бывших партийно-государственных чиновников был передан на утверждение Молотова, Сталина, Ворошилова, Кагановича и Жданова как «подлежащих суду Военной коллегией Верховного суда СССР». Следовательно, когда в июне 1937 г. Бухарин давал свои показания, у НКВД не было наперед готового «постановочного» плана для процесса и, соответственно, не было и намерений добиться от него признаний, которые соответствовали бы такому «срежиссированному» судебному действию.

Оставляя в стороне обстоятельства, которые, возможно, потребуют несколько иначе взглянуть на подготовку последнего из больших московских показательных процессов, отметим здесь главное: с очень большой долей вероятности следует считать, что все написанное Бухариным в его признательных показаниях принадлежит именно ему и только ему.

Письмо Бухарина к Сталину от 10 декабря 1937 г.

До настоящей публикации признательные показания Бухарина, данные им до суда, не привлекали внимания научной общественности и не печатались в исторической литературе. Но в начале 1993 г. сразу два российских исторических издания опубликовали «сенсационное» письмо от 10 декабря 1937 г. на имя Сталина, в котором Бухарин в твердой и решительной форме настаивал на ложности выдвинутых против него обвинений. Не стесняясь в выражениях, Бухарин прямо подверг сомнению все, что он признавал ранее: «Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии».

Поскольку письмо от 10 декабря 1937 г. – единственное свидетельство, подразумевающее абсолютную невинность Бухарина, следует остановиться на нем подробнее.

Дело в том, что, несмотря на категоричность своего письма, Бухарин не только отрекся от всех своих прежних показаний, но и, не удержавшись, покаяться в некоторых других старых «грешках». Но лучше бы он этого не делал.

Как отмечают Гетти и Наумов, в письме от 10 декабря 1937 г. Бухарин несколько вышел за рамки того, что ему уже приходилось признавать на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Так, в начале п. 2 письма он сообщает, что на Пленуме он фактически кое-что утаил от своих товарищей, а заканчивает тот же самый п. 2 словами: «Я на пленуме говорил, таким образом, сущую правду, только мне не верили!» (выделено Бухариным. – Г.Ф., В.Б.). Иными словами, Бухарин стремится показать, что, не сказав всей правды на Пленуме, он сообщает ее только сейчас. Но такая тактика, по Гетти и Наумову, лишь усилила подозрения в продолжающейся неискренности Бухарина, уничтожила последние крупицы доверия к нему, если таковые еще оставались²⁹.

Следы подобной неискренности мы находим и в других частях письма. Так, в п. 7 своего «трогательного» послания Бухарин пишет: «Я знаю, что Н[адежда] С[ергеевна] Аллилуева не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя...». Если читать дословно, то все тут следует считать чистой правдой: ведь Бухарин и не говорит, что не принимал участия в подготовке убийства Сталина; он лишь пишет, что (скончавшаяся к тому времени) жена Сталина *не поверила бы* в такие его помыслы! Ясно, сколь велика смысловая разница между обоими утверждениями.

(Вообще, Бухарин был весьма увертлив по натуре и постоянно «играл» в словечки. Такая манера общения бросилась в глаза Вышинскому. И не ему одному: многие из выступавших на февральско-мартовском Пленуме отмечали отсутствие у него искренности, его «склизкость» в общении с коллегами по ЦК.)

В письме Сталину Бухарин пишет о своей невинности в тех преступлениях, совершение которых он подтвердил на следствии. Но какие именно показания ранее «подтвердил» Бухарин?

Фраза недвусмысленно подразумевает, что какие-то из бухаринских показаний были ему навяза-

ны следствием. Но даже Соломенцев, стоявший во главе реабилитационной Комиссии, которая в конце концов вынесла Бухарину оправдательный вердикт, отмечал, что в течение 3 месяцев «он все отрицал, причем писал собственноручно», «после каждой очной ставки говорил: что бы с ним ни сделали, он не пойдет на то, чтобы признать ложное обвинение, которое выдвигается этими лжецами, мерзавцами»³⁰.

Но затем происходит перелом, и Бухарин без всякого сопротивления (и собственноручно, как выяснил Соломенцев) пишет заявление на имя Ежова, где признается, что он-де «участник организации правых до последнего времени, что входил наряду с Рыковым и Томским в центр организации, что эта организация ставила своей задачей насильственное свержение Советской власти (восстание, государственный переворот, террор), что она вошла в блок с троцкистско-зиновьевской организацией». Иначе говоря, в первом же заявлении на имя Ежова Бухарин сознался именно в тех преступлениях, которые подтвердил в конце следствия, а затем и на суде.

Козн и Хеделер отмечают, что возможной причиной бухаринских признаний стал арест маршала Тухачевского и других видных военачальников³¹. Если речь идет о совпадении, то довольно странном: ведь и Бухарин в первых же своих признаниях назвал Ту-

хачевского, Корка, Примакова как участников группы заговорщиков в Красной армии. Как показано выше, меры физического воздействия против Бухарина не применялись; следовательно, можно предположить, что арест Тухачевского и стал главной причиной сильного потрясения, которое Бухарин испытал в связи с крахом последней надежды на спасение³².

И, наконец, последнее: письмо Бухарина от 10 декабря 1937 г. нельзя считать правдивым хотя бы потому, что по меньшей мере одно из его утверждений, несомненно, лживо. Речь идет об уверениях Бухарина, что он, дескать, никоим образом не был причастен к планам убийства Сталина. Но, как теперь выяснилось, Бухарин действовал точно противоположно тому, что написано им в письме от 10 декабря 1937 г. Что стало известно из изданных в 1971 г. мемуаров одного из близких соратников Бухарина – швейцарского коммуниста и члена Исполкома Коминтерна Жюля Эмбер-Дро³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы пытались доказать, что показания Бухарина от 2 июня 1937 г. – безусловно подлинный и аутентичный (принадлежащий самому автору) документ, сведения из которого с очень высокой степенью вероятности следует считать правдивыми.

¹ См.: Козн С. Бухарин на Лубянке // Свободная мысль – XXI. 2003. № 3. С. 59.

² Общее описание «архива Волкогонова» см.: <http://www.loc.gov/rr/mss/text/volkogon.html>. Более полная информация об архиве в июле 1998 г. была размещена на форуме H-RUSSIA: <http://h-net.msu.edu/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=h-russia&month=9806&week=c&msg=yXO3HdI7r/1PfmjSsTHQKw&user=&pw>.

³ Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: РОССПЭН. 2001. С. 49–61; Вишнев О.В. О подлинности «Постановлений Политбюро ВКП(б)», хранящихся в зарубежных архивах // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 51–55; Reiman M., Sutterlin I. Sowjetische «Politbüro-Beschlüsse» der Jahre 1931–1937 in staatlichen deutschen Archiven // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas (JfGO). 1989. № 37. S. 196–216.

⁴ Старков Б.А. Дело Рютина // Они не молчали / Сост. А.В. Афанасьев. М.: Политиздат, 1991. С. 175; Cohen S.F. To Be Preserved Forever // The Nation. 1995. Nov. 27. Vol. 261. N 18. P. 673; следует обратить внимание, что оба источника опубликованы еще до передачи «архива Волкогонова» в Библиотеку Конгресса. Дж.А. Гетти и О.В. Наумов ссылаются на сведения из интересующего нас документа по статье Старкова (см.: Getty J.A., Naumov O.V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. Yale University Press. 1999. P. 447).

⁵ Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет: В 2 кн. М.: Новости, 1992. Кн. 2. См. раздел «Вместо заключения. Вердикт истории»: http://militera.lib.ru/bio/volkogonov_dv/index.html.

⁶ Вопрос об архивах, которыми пользовался Волкогонов, обсуждается в: Grimsted P.K. Archives of Russia Seven Years After: «Purveyors of Sensations» or «Shadows Cast out to the Past». Washington, DC: Cold War International History Project. 1998. Working Paper, no. 20, p. 12. P. 22. Книга доступна в Интернете, см.: http://web.iisg.nl/archives_in_russia/seven1.pdf.

⁷ «Мое последнее слово на суде, вероятно, будет моим последним словом вообще». Кто и как правил речь Н.И. Бухарина // Источник. 1996. № 4. С. 89.

⁸ В одной и той же архивной папке вместе с признаниями Бухарина хранятся также прошения Бухарина о помиловании, тексты которых опубликованы (Известия. 1992. 2 сент.) и цитируются различными исследователями, в частности Роговиным, см.: Роговин В.З. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 65). См. также: http://web.mit.edu/fjk/Public/Rogovin/volume5/viii.html#ftn_10.

⁹ Юнэ М. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. М.: АИРО-XX, 2003. С. 269.

¹⁰ Реабилитация: как это было: Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседаний Комис. Политбюро ЦК КПСС по доп. изуч. материалов, связан. с репрессиями, имевшими место в период 30–40 и начала 50-х гг., и другие материалы. М.: МФД, 2004. Т. III. Середина 80-х гг. С. 17–27 (далее – РКЭБ).

¹¹ Там же. С. 31–34, 36, 39, 54, 55, 57.

¹² Там же. С. 55.

¹³ По словам Соломенцева, каждая страница заверена не только Бухариным, но и следователем НКВД (там же). Что, по-видимому, следует считать ошибкой, ибо на фотокопии показаний имеется подпись одного Бухарина. Председательствуя на заседании Комиссии, Соломенцев не держал документ перед глазами, а, скорее всего, цитировал его по памяти.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Источник. 1996. № 4. С. 78–92.

¹⁶ Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. С. 444–449; Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. С. 334–335. Ср.: Katkov G. The Trial of Bukharin. NY: Stein & Day, 1969. P. 107, 129, 160, 163, 166.

¹⁷ В кавычках – цитата из заявления Бухарина на имя Ежова. Архив Волкогонова, коробка № 21, микрофильм 13–14.

¹⁸ Из беседы М.С. Соломенцева с корреспондентами «Правды», 19 августа 1988 г. РКЭБ. Т. III. С. 110–111. Для партийной реабилитации Бухарина Комиссия также признала необходимым «отрицать февральско-мартовский Пленум и его правильность» (там же. С. 88).

¹⁹ Козн С. Бухарин. С. 444; Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М.: Фолио, 2004. С. 374–375. До начала 1990-х гг. Роберт Конквест, как и другие авторы, опираясь на интервью А.И. Микояна Луи Фишеру, считал, что против Бухарина пытки не применялись. Но в последней редакции «Большого террора» Конквест пишет об ошибочности своей прежней точки зрения, ибо «из недавних советских статей явствует, что это неправда». Однако какие именно публикации имеются в виду, Конквест не указывает. См.: *Conquest R. The Great Terror: A Reassessment*. Oxford – NY – Toronto: Oxford University Press, 1990. P. 364.

²⁰ См. главу «Николай Бухарин» в кн.: Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. СПб.: Всемир. слово, 1991. 320 с.

²¹ Getty J.A. *The Origins of the "Great Purges": Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge, 1986. P. 211–212.

²² Юнге. С. 89–91. См. также: Козн. Бухарин на Лубянке. С. 61; Hedeler W. «Ezhov's Scenario for the Great Terror and the Falsified Record of the Third Moscow Show Trial» // *Stalin's Terror. High Politics and Mass Repression in the Soviet Union*. Edited by Barry McLoughlin and Kevin McDermott. NY: Palgrave Macmillan, 2003. P. 50.

²³ Л.П. Берия полагал, что Бухарин безусловно виновен (Ларина А.М. Незабываемое. М.: Изд-во АПН, 1989. С. 181), но в отношении Лариной он пришел к выводу о ее не причастности к заговорщической деятельности ее мужа. По мнению Лариной, именно Берия стремился сохранить ей жизнь, в противном случае ее бы ждал более суровый приговор. Так или иначе, именно Берия посылал в камеру Лариной фрукты и деньги для отоваривания в тюремной лавке (там же. С. 191 и сл.).

²⁴ В показаниях М.П. Фриновского, бывшего первого зам. наркома НКВД, говорится иное: «Ежов несколько раз беседовал с Бухариным и Рыковым и тоже в порядке их успокоения заверял, что их ни в коем случае не расстреляют» (Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М.: МФД, 2006. С. 47).

²⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 205–206; Hedeler. P. 35.

²⁶ Посчитано по сведениям с компакт-диска: Жертвы политического террора в СССР. На 2-х дисках. Диск 2. База данных о жертвах политического террора в СССР. М.: Звенья, 2004. Сведения доступны в Интернете на сайте Международного общества «Мемориал»: <http://www.memo.ru/memory/spiski.htm>.

²⁷ Посчитано по сведениям с компакт-диска: Жертвы политического террора в СССР. На 2-х дисках. Диск 2. Сталинские расстрельные списки. См. также: <http://stalin.memo.ru/images/intro.htm>.

²⁸ Там же. Примеч. 11.

²⁹ Getty, Naumov. P. 563.

³⁰ РКЭБ. Т. III. С. 54. См. также: Козн С. Бухарин на Лубянке. С. 60.

³¹ Козн С. Бухарин на Лубянке. С. 60; Хеделер тоже указывает на взаимосвязь «дела Тухачевского» и признаний Бухарина, но прибавляет сюда и Рыкова, который поначалу отказывался давать показания, но тоже стал сознаваться после ареста военных (Hedeler. P. 41. См. также: Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 г. // Молодая гвардия. 1994. № 9. С. 135).

³² В подтверждение предположения напомним слова следователя Матусова, который во время следствия в 1939 г. заявил однажды Лариной-Бухариной: «Вы же думали, что Якир и Тухачевский спасли бы вашего Бухарина. А мы работаем хорошо. Поэтому это не удалось!» (Ларина А.М. Незабываемое. С. 27). Что касается планов вооруженного захвата Кремля, существует свидетельство ветерана КГБ И.М. Орлова, который утверждает, что особая рота, где ему довелось служить, готовилась специально для ареста Сталина (см.: Рыбин А.Т. Сталин предвидел: (Записки телохранителя). М.: Ветеран, 1992. Гл. 14. Примеч. 23).

³³ Humbert-Droz J. *De Lenine a Staline, Dix Ans Au Service de L'Internationale Communiste 1921–31*. Neuchatel: A la Vaconniere, 1971. P. 379–80. Эмбер-Дро писал без какого-либо влияния НКВД. Он был другом Бухарина и ненавидел Сталина. У Эмбер-Дро не было никаких причин лгать или исказить известные ему сведения. И это не «слух», т.к. Эмбер-Дро пишет, что о планах убить Сталина ему довелось слышать из уст самого Бухарина.

ЛИЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ Н. БУХАРИНА¹

В настоящих показаниях я хочу дать историческое развитие контрреволюционной организации правых, начиная с ее зародышевых форм и включая в анализ ее идейные и организационные истоки и предпосылки.

1. Общие теоретические антиленинские мои взгляды

Я прежде всего хочу остановиться на своих собственных теоретических антиленинских и антимарксистских ошибках, чтобы дать известный общий теоретический фон для последующего изложения и чтобы не повторяться при рассмотрении частных вопросов.

1. Непонимание диалектики и замена марксистской диалектики т.н. теорией равновесия. Известно, что в «завещании» Ленина указано, что я не понимал диалектики и серьезно ее не изучал. Это было совершенно правильное указание. В чисто философской области я шел от изучения т.н. «новейшего позитивизма», находился под влиянием А. БОГДАНОВА, которого хотел лишь интерпретировать на материалистический лад, что неизбежно вело к своеобразному эклектизму, по-просту теоретической путанице, где механический материализм соединялся с пустыми схемами и абстракциями. Абстрактный схематизм гонится за «последними обобщениями», отрывая их от многообразия быстро текущей жизни, и в этом мертвом подходе к процессам истории и исторической жизни лежит корень огромных моих политических ошибок, при определенной обстановке переросших в политические преступления. Можно привести много примеров этой стороны дела. Когда на VI съезде партии я недооценивал роль крестьянства, а еще ранее национального вопроса, это означало непонимание конкретной исторической обстановки и конкретных этапов развития; когда я во время брестского мира вел борьбу против Ленина, я не понимал, что конкретнейшим из конкретнейших вопросов о «мужике» и был именно вопрос о том, чтобы дать массе «передышку», и подменял живые потребности момента общелитературными рассуждениями о том, что пролетарское отечество должно быть защищено; когда в профсоюзной дискуссии я занимал антиленинскую позицию и шел вместе с Троцким, я не понимал, что через вопрос о профсоюзах решается и вопрос о нэпе в одной из его конкретных сторон: и, наоборот, много позднее та же антидиалектическая позиция приводила к правым ошибкам: когда уже намечалась полоса обостренной классовой борьбы, из общей схемы о движении к бесклассовому обществу я делал вывод о невозможности на данном этапе обострения классовой борьбы и т.д. и т.п.

Замена диалектической гибкости и величайшей конкретности абстрактными схемами подновленной «теории равновесия», при всех уверениях о подвижном равновесии, на деле означала фиксацию мертвой абстрактности и статики, что мешало мне видеть конкретные изменения во всем их многообразии и сложном переплете явлений.

2. Теория государства и теория пролетарской диктатуры. Известно, что В.И. Ленин обвинял меня в том, что я концентрирую все внимание на разрушении буржуазного государства – с одной стороны и на бесклассовом обществе – с другой, не уделяя достаточного внимания переходному периоду пролетарской диктатуры. Мне это совершенно правильное замечание Ленина казалось вопиющей несправедливостью, ибо – полагал я – я отнюдь не страдаю этим грехом. Однако, совершенно очевидно, что именно здесь лежал один из корней позднейшей идеологии правых. В самом деле, в основе нашей идеологии лежала недооценка организованных возможностей пролетарской диктатуры, переоценка рыночной стихии и свойственных ей «экономических законов»: все наши взгляды на рынок, образование цен, формы государственного вмешательства, пропорции народного хозяйства, соотношение между индустрией и сельским хозяйством, вопрос об индивидуальном крестьянском хозяйстве и т.д. и т.п. – теоретически упирались и в этот вопрос, вопрос об организационных возможностях изменить «экономические законы» нажимом пролетарской диктатуры. То, что было уместно в первых фазах нэпа, антидиалектически переносилось нами на другие условия, и этот перенос опирался на недооценку мощи государственного аппарата возросшей и укрепившейся диктатуры пролетариата.

3. Теория классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры. Здесь я делал совершенно ту коренную ошибку, что из общего соображения о движении к бесклассовому обществу, я делал вывод, что после сокрушения помещиков и капиталистов наступает этап «равновесия» между пролетариатом и крестьянством, «двухклассовое общество», в котором классовая борьба постепенно затухает. Я опирался здесь на антидиалектическое и антиленинское толкование всех мест из Ленина, где последний говорит о мирном и реформаторски-культурном характере нашей работы вообще и в деревне – в частности и в особенности. Я «проглядел» поэтому и нарастающее сопротивление кулачества, и неизбежное в таких условиях колебание части середняка, т.к. обстановку разрывавшихся диалектических противоречий нэпа, и тот факт, что продвижение социализма, сужая базу его классовых врагов, приводит к обострению методов борьбы их против социализма. Эта объективная закономерность вменялась поэтому мною в вину партийному руководству, тогда как задача заключалась в преодолении этого сопротивления всеми мерами. Сущностью и теоретической основой моих взглядов в этой области было представление о мирной эволюции с затуханием классовой борьбы. Это, в связи с вышеизложенным положением о переоценке рыночной стихии, привело и к антиленинской трактовке ленинского «кооперативного плана», что играло большую роль в последующей идеологии правых. По этому представлению, главный путь, магистраль развития социализма в деревне, лежит не через производственное объединение крестьянских хозяйств, а через процесс обращения, через втягивание их через рынок, через торговую кооперацию, кредит, систему банков и т.д., при чем «кулацкие гнезда» будут мирно вращаться в социализм. Таким образом, важнейший вопрос о соотношении между пролетариатом и крестьянством трактовался мною в корне неверно. Вместо воздействия государства – самотек; вместо обострения классовой борьбы – ее затухание; вместо теоретической базы для производственного кооперирования – рынок; вместо сокрушения кулачества – перспективы его мирного вращения и лозунг «обогащайтесь». Здесь складывались предпосылки позднейшей прямой борьбы с партией и контрреволюционных выводов как в идеологической, так и в практически-политической области.

¹ Документ публикуется впервые. Сохранены оригинальная орфография и пунктуация. Условные обозначения:

а) Полужирный шрифт – авторское подчеркивание.

б) Подчеркивание – текст, выделенный одним из читателей документа.

в) *Курсив* – рукописная вставка.

г) ****Текст**** – слово или фраза неразборчивы; дано их предположительное значение.

д) <Неразб.> – текст неразборчив.

4. Теория организованного капитализма.

Несколько особняком стоит (но является порождением той же самой антидиалектичности мышления и абстрактной схоластики) так называемая теория организованного капитализма.

По этой теории капитализм в своих собственных рамках преодолевает анархию производства и рыночного отношения. То обстоятельство, что капиталистическая монополия существует рядом с свободной конкуренцией и еще более запутывает все отношения; то обстоятельство, что и внутри самих капиталистических монополий идет ожесточенная конкурентная борьба; наконец, то обстоятельство, что государственно-капиталистические формы никогда не могут полностью покрыть всех производственных отношений капитализма, – все это выпадает из поля зрения моей теории организованного капитализма, которая совпадает с теоретическими взглядами теоретиков социал-демократии.

II. Зарождение «Бухаринской школы»

Зарождение т.н. «бухаринской школки» относится еще к 1919–1920 г.г. Я читал тогда курс лекций (а равно и эпизодические лекции) в Свердловском университете, и среди моих слушателей стал постепенно отбираться кружок, с которым я вел семинарские занятия. При этом с рядом участников этих занятий у меня установились и весьма близкие личные отношения: я заходил к ним на квартиру /напр. в общежитие в Страстном монастыре, где жил А. СЛЕПКОВ и другие/, помогал им в нужде и т.д.

Из наиболее близких тогда ко мне лиц могу назвать А. СЛЕПКОВА, Д. МАРЕЦКОГО, Д. РОЗИТА.

На этих занятиях, а равно и в разговорах на дому, которые тогда носили обычно теоретический характер, я развивал им свои антиленинские взгляды, шедшие в основном по линии проблем философии, теории исторического материализма и экономики.

В те годы (кажется в 1919 или 1920 г.) я писал большую книгу под названием «Теория исторического материализма» и каждую из написанных глав прочитывал в своем кружке, при чем эти главы горячо обсуждались. Здесь и была развита и полностью сформулирована вышеупомянутая антимарксистская теория равновесия, при чем диалектическая триада рассматривалась, как равновесие, его нарушение и восстановление; все процессы общества рассматривались именно с этой точки зрения.

Здесь же была развита и антидиалектическая концепция механического материализма, сводившая все процессы природы и общества к механическому движению материи.

Но так как эти в корне неверные теоретические установки сопровождалось вовлечением в обсуждение и изложение большого количества литературы, в том числе и иностранной, то слушателям импонировала моя «эрудиция», а я был в восторге от того, что нахожу таких благодарных «учеников». Так складывалось превознесение моей особы, известная замкнутость кружка, как «своего», на основе антиленинских и антимарксистских теоретических установок, а обсуждение всех теоретических вопросов в этой, как мы тогда говорили, «мыслительной лаборатории» развивалась таким образом на базе антиленинских взглядов.

Росла связь между людьми, рос своеобразный кружковой патриотизм. Разумеется, дело отнюдь не ограничивалось вышеупомянутой² книгой: обсуждение различных теоретических вопросов шло по широкому фронту и мало-помалу стало переплетаться и с обсуждением вопросов текущей политики.

В 1921–1923 г.г. участники кружка в своем ядре поступили в ИКП, где я продолжал посещать их на дому /в общежитии ИКП/.

Состав группы был тогда примерно таков: А. СЛЕПКОВ, Д. МАРЕЦКИЙ, Г. МАРЕЦКИЙ, Д. РОЗИТ, И. КРАВАЛЬ, А. ТРОИЦКИЙ, А. ГУСЕВ, Ф. БОГДАНОВ, А. ЗАЙЦЕВ, Н. СТРЕМОУХОВ; близко к ним стояли МОНОСОВ, РАДИН. Не помню, когда появился А. СТЕЦКИЙ, П. ПЕТРОВСКИЙ, К. РОЗЕНТАЛЬ, Т. ЛЕВИНА, В. МЕЖЛАУК, а затем Я. СТЭН.

Нужно заметить, что к этому времени группа икапистов уже превратилась в организованную фракцию и выступала на выборах в организациях ИКП, намечала свои кандидатуры и проводила их на выборах.

III. Переход «Бухаринской школки» к политической деятельности

Из вышеописанного понятно, что группа рано или поздно должна была перейти к политической деятельности и перерасти в особую фракцию «идеологов» внутри партии. Так это и случилось. Я лично считал, что одной из причин моих прошлых поражений в борьбе против Ленина было отсутствие преданных мне кадров-единомышленников и поэтому из школки вербовал себе такие кадры, которые по своему формированию обеспечивали такую преданность.

В самом начале борьбы с троцкизмом мною был написан т.н. «меморандум», который был зачитан в узком составе группы /этот меморандум не был внесен в ПБ ЦК ВКП(б). На нем следует остановиться, так как он содержал ряд совершенно антипартийных и антиленинских установок.

Основные идеи его, насколько память мне не изменяет, сводились к следующему.

В «меморандуме» ставились вот какие вопросы: После смерти Ленина начнется кризис в верхушке партии и будет отсечена известная часть руководства. Это повлечет за собою дальнейшее углубление кризиса и новое отсечение. Получится группа в самом руководстве, где каждый вождь имеет своих людей, подобно штабам белых армий, в которых не было никакого единства. Не мыслимо ли у нас в системе пролетарской диктатуры двух партий, сменяющих одна другую, как республиканцы и демократы в США, где они, будучи партиями по существу одного класса, периодически меняются местами? Или: не мыслимы ли у нас организация ВКП(б) по типу английской «Рабочей партии» /или «партии труда»/ с широким охватом?

Меморандум этот был мной подписан когда Троцкий, после смерти Ленина, выступил против ЦК ВКП(б).

Смысл меморандума, таким образом, заключался в том, что борьбу с троцкизмом надо вести таким образом, чтобы не доводить до отсечения Троцкого от руководства, и это нашло свое отражение в определенной фразе в меморандуме по отношению к Троцкому: «нужно ужиться, борясь».

Так я и поступал.

В развернувшейся борьбе с троцкистами моя группа приняла участие, но борьба велась в смягченных /«джентельменских»/ формах и имела своим основанием специфические установки.

² Так в тексте.

Коротко говоря, борьбу с троцкизмом мы вели, как фракция внутри ВКП(б), бывшая, если позволено будет так выразиться, в блоке с партией. Примерно к этому времени моя группа пополнила свой состав. Туда вошли: АЙХЕНВАЛЬД, Э. ГОЛЬДЕНБЕРГ, А. АЛЕКСАНДРОВ, В. КУЗЬМИН, П. САПОЖНИКОВ (ЦЕТЛИН появился, кажется, только в 1926 г.).

Так уже тогда я начал создавать себе кадры для последующей борьбы с партийным руководством во главе со Сталиным. Налицо были специфические идейные установки, налицо были люди, налицо была их сплоченность. Замкнутость, фракционный патриотизм, зазнайство, антипартийные разговорчики об, якобы, низком теоретическом уровне Сталина, мелкое критиканство, сплетни и анекдоты, касающиеся руководства партии усугублялись тем, что я преступным образом посвящал ядро этой фракции во все самые внутренние дела партруководства, знакомил это ядро с секретными партийными документами ЦК, Политбюро, Исполкома и Президиума Коминтерна, воздавал похвалы этому молодняку и тем самым развращал его политически, сеял такие семена, которые принесли свои преступные плоды.

Я претендовал на роль руководителя партии при Ленине, активно боролся в партии против Ленина и был разбит. Смерть Ленина развязала мне руки и я начал готовить преданные мне кадры, на которых я мог бы опереться в борьбе за захват руководства в партии. Участники созданной мной фракции, «школки» были такими именно кадрами, уже получившими известный партийный вес и они стали впоследствии активом антипартийной и антисоветской борьбы против руководства партии, против Сталина.

IV. Оформление контрреволюционной правой организации

Примерно около 1928 г. в стране пролетарской диктатуры обозначились известные элементы кризиса в отношении между пролетариатом и крестьянством, и руководство партии, во главе с И.В. Сталиным стало намечать пути преодоления этих элементов на основе дальнейшего победоносного продвижения к социализму.

Я стал в оппозицию к ряду мероприятий, намечавшихся И.В. Сталиным, и эта антипартийная установка быстро переросла в данной исторической ситуации, при все более обостряющейся классовой борьбе – в установку анти-советскую и по существу контрреволюционную.

Излишне здесь повторять, что вышеизложенные антиленинские теоретические взгляды сыграли в идейном формировании идеологии правых свою крупную роль.

В 1928 году я, вместе с моим тогдашним фактическим секретарем Е.В. ЦЕТЛИНЫМ, посетил ЯГОДУ в его кабинете в ОГПУ. Я стал спрашивать его о настроениях среди крестьянства. ЯГОДА вызвал соответствующего работника (кажется, АЛЕКСЕЕВА), который сделал мне подробный доклад, с цифрами и фактами, акцентируя на кулацких восстаниях в ряде районов, на террористические акты по отношению к советским работникам деревни. Я спросил ЯГОДУ: «Что же вы не докладываете обо всем этом в ПБ?» На что он мне ответил: «Это ваше дело, Н.И. – вы докладываете, а я материалами всегда вам помогу». Помню, что после этого я пошел в Реввоенсовет к К.Е. Ворошилову, где был в то время Бубнов (кажется, он был тогда начальником ПУРа) и взволнованно стал рассказывать о слышанном.

Ворошилов меня изругал, сказал, что я впадаю в панику и истерику, а затем, как мне стало очевидно из последующего, передал о моих настроениях Сталину.

После этого у меня стали происходить все более острые конфликты с руководством партии, то-есть я становился на все более и более антипартийные пути, пути активной борьбы с партией. Отсюда и постепенное сближение с РЫКОВЫМ и ТОМСКИМ, из высказываний которых на закрытых заседаниях ПБ я видел, что и они держатся, примерно, тех же взглядов, что и я, хотя и без отчетливой теоретической формулировки.

Одновременно я систематически держал свою группу в курсе всех интимных дел ПБ, рассказал обо всех конфликтах и таким образом воспитывал их на антипартийных установках.

Примерно к тому же времени начались нелегальные совещания ряда членов ЦК, помимо упоминавшихся РЫКОВА, ТОМСКОГО и меня самого. Если не ошибаюсь, первое такое совещание было на даче у М. ТОМСКОГО, где я выступил с тезисами, формулировавшими мои взгляды. Там был я, ТОМСКИЙ, не помню, был ли РЫКОВ, некоторые члены ЦК – профсоюзники (помню УГАРОВА), был, кажется СМИРНОВ («Фома»), В. ПОЛОНСКИЙ, Н. АНТИПОВ, ДОГАДОВ, возможно, что и УГЛАНОВ. (В. ПОЛОНСКИЙ скоро отошел).

Совещания эти продолжались, обычно концентрируясь хронологически перед пленумами ЦК или какими-либо важными партийными собраниями и имели своей непосредственной целью организацию фракционных выступлений на этих пленумах. Важную роль на этих совещаниях играли т.н. «москвичи»: УГЛАНОВ, КОТОВ, КУЛИКОВ, В. МИХАЙЛОВ, РЮТИН, ЯКОВЛЕВ (бывш. секретарь Хамовнического района в гор. Москве).

На этих совещаниях бывали многие т.н. рыковские «ученые секретари» (С. РАДИН, НЕСТЕРОВ, <неразб.>) и мои сторонники: СЛЕПКОВ, МАРЕЦКИЙ, Е. ЦЕТЛИН и другие, при чем они играли роль подсобного аппарата (по собиранию материалов для речей, при формулировании тех или иных положений и т.д.). Совещания эти обычно происходили в Кремле, на квартирах у ТОМСКОГО, РЫКОВА или у меня.

Наряду с этими совещаниями следует отметить продолжавшееся чуть ли не два дня бдение профсоюзников у ТОМСКОГО во время известного съезда профсоюзов, куда приходил и я. Здесь было очень много народа, но я не могу вспомнить людей с полной определенностью: УГАРОВ, ДОГАДОВ, УДАРОВ, В. ШМИДТ, МЕЛЬНИЧАНСКИЙ, ЯГЛОМ (одна из крупных фигур правых профсоюзников), кажется, КОЗЕЛЕВ, ФИГАТНЕР. В общем из людского состава, который ложился в основу складывавшейся правой организации, следует отметить такие основные силы:

1. М.И. ТОМСКИЙ и группа профсоюзников;
2. А.И. РЫКОВ, его секретари и связи с людьми советского аппарата;
3. Н.И. БУХАРИН и его ученики;
4. «Москвичи» во главе с УГЛАНОВЫМ (помянутые выше, плюс группа в Промакадемии, плюс группа молодежи во главе с МАТВЕЕВЫМ).

В общем в то время складывавшаяся организация правых была более или менее тем, что немцы называли в старые времена «lose Organisation»³, но мало-по-малу отсеивалась своеобразная, хотя формально не зафиксированная организационная иерархия:

- 1) оппозиционные члены ЦК,

³ Свободное объединение (нем.).

2) над ними фактическое руководство из «тройки» (БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ), естественно выделившееся и благодаря своему удельному весу и благодаря своему положению, что и стало правым центром. Ближайше к нему стоял Н.А. УГЛАНОВ, который, будучи ранее секретарем МК, имел за собой «москвичей».

Для полноты картины еще следует сказать несколько слов относительно Коминтерна. Естественно, что т.н. «русский вопрос» имел свое отражение и здесь. Из русских работников Коммунистического Интернационала точку зрения правых разделяли Е. ЦЕТЛИН, ГРОЛЬМАН, ИДЕЛЬСОН, СЛЕПКОВ (А.), которые имели связи, прежде всего, с т.н. немецкими «примиренцами» (группа Эверта-Гергардта); ей сочувствовала часть американцев (Ловстон и Ко), часть шведов (Чильбум) и некоторые другие.

Наиболее видной фигурой в то время из этих кругов был ЭВЕРТ, с которым встречался и я лично, при чем в разговорах налицо была явная «антисталинская», т.н. антипартийная ориентация.

Таково было оформление контрреволюционной правой организации.

Идеологическое ее оформление развивалось в ходе выступлений, прежде всего, на пленумах ЦК, предварительного обсуждавшихся на вышеупомянутых нелегальных совещаниях, где вырабатывался и план речей, и распределение выступавших, и очередность выступлений.

Особо острое и контрреволюционное <неразб.> в тех выступлениях нашло свое выражение в тезисе о военно-феодалной эксплуатации крестьянства, что при тогдашней политической обстановке обобщило антисоветское сопротивление капиталистических классов. Эти выступления общеизвестны, и на них здесь не стоит останавливаться. Необходимо, однако, отметить факт написания мной большой и подробной платформы правых, которая была обсуждена на совещании правых членов ЦК плюс некоторых из «шkolки»; здесь давалась резкая антисоветская критика политики партии и правительства по всему фронту вопросов общеполитического порядка, от экономики до политики Коминтерна, от внутривнутрипартийной политики до проблем партийного руководства.

Особо следует отметить злостную критику т.н. «партийного режима». Далее, мне кажется, останавливаться на этом не следует, ибо мне известно, что самый текст платформы имеется в распоряжении следствия.

V. Поиски блока с КАМЕНЕВЫМ-ЗИНОВЬЕВЫМ

Так как мы, правые, в своей борьбе против партии не надеялись на одни свои силы, то начались поиски союзников среди других антисоветских групп и организаций и, прежде всего, с группой Каменева-Зиновьева, за которыми было когда-то довольно значительное количество сторонников в ленинградской организации.

К относящимся сюда фактам причисляются:

1. Мое свидание с Каменевым на квартире КАМЕНЕВА.
2. Мое свидание с ПЯТАКОВЫМ в Кремлевской больнице, где был и КАМЕНЕВ.
3. Мое и ТОМСКОГО свидание с КАМЕНЕВЫМ на даче В.ШМИДТА.

Для следствия, конечно, неинтересны различные «психологические переживания», коими вызывались эти встречи, **а** важен политический смысл и значение этих фактов, как попыток еще в то время установить политический блок между контрреволюционной организацией правых и контрреволюционной группой КАМЕНЕВА-ЗИНОВЬЕВА, а также с троцкистами через ПЯТАКОВА.

Наиболее важное значение, кажется мне, имеет свидание на квартире КАМЕНЕВА. Фактическая сторона этого дела такова: ко мне зашел СОКОЛЬНИКОВ /которого я знал, как правого среди зиновьевцев и повел меня к КАМЕНЕВУ, от которого вскоре ушел. Я был в очень возбужденном состоянии и в весьма резких выражениях критиковал политику партии, политику Сталина, характеризуя ее, как политику гражданской войны, политику организации голода, политику отлучения старых деятелей партии и т.д.

КАМЕНЕВ держался выжидательно, давал мне «выговариваться» и ограничивался короткими репликами, так сказать, «мотал себе на ус» мои антипартийные высказывания. Как известно, он далее передал запись разговора троцкистам, а они выпустили соответствующую прокламацию. Хотя это свидание и не привело тогда ни к каким непосредственным политическим результатам, но это была первая попытка установления политического контакта между контрреволюционной организацией правых в моем лице и контрреволюционной организацией зиновьевско-каменевского толка.

Вторым свиданием было свидание в Кремлевской больнице, где лежал ПЯТАКОВ (до этого я заходил к нему на квартиру в «доме Нирензе», но там были «домашние» разговоры и ПЯТАКОВ послал даже свою дочь меня провожать: «Отведи Колю»).

Я пришел в больницу с платформой правых, о которой речь шла выше. В больнице у ПЯТАКОВА оказался и КАМЕНЕВ, я вслух прочитал экономическую часть платформы и спрашивал присутствовавших относительно их мнения по поводу соответствующих положений платформы. И здесь оба лица проявили осторожность и ничего не ответили по существу, хотя с видимым внимание[м] относились к зачитывавшемуся мною документу.

Наконец, третьим свиданием было свидание на даче у ШМИДТА (около дачи М.П. ТОМСКОГО). Самого ШМИДТА не было. Инициатива этого свидания принадлежала ТОМСКОМУ (я оговариваюсь, что не помню хронологии двух последних свиданий).

Я приехал туда вместе с Е. ЦЕТЛИНЫМ. Таким образом, там присутствовали КАМЕНЕВ, ТОМСКИЙ, я, ЦЕТЛИН. Это было перед одним из пленумов ЦК и, как мне помнится, усилия (правда, весьма тягучие) КАМЕНЕВА были направлены на то, чтобы узнать, будем ли мы, т.е. правые, выступать на пленуме ЦК и предупредить возможность невыступления.

VI. Переход к двурушнической тактике

К 1930–31 г.г. политическая ситуация в стране крайне обострилась в силу отчаянного сопротивления кулачества и его союзников в городах (часть буржуазной старой интеллигенции и т.д.). Трудности возрастали, и началась со стороны правых политическая спекуляция на этих трудностях.

Мы собирали всевозможные сведения о сопротивлении коллективизации, о разнообразных проявлениях крестьянского недовольства, об убое скота, об отсутствии хлеба, о росте дороговизны, о различных экономических парадоксах (это называлось «экономика дыбом»), тщательно подбирались такие факты, что извозчики кормят лошадей печеным хлебом, ибо это дешевле и т.д. до бесконечности. Расчет на использование этих трудностей стал главной темой соответствующих разговоров и обсуждений в среде членов правой контрреволюционной организа-

ции на квартирах у РЫКОВА, у меня, у ТОМСКОГО в разговоре с членами правой группы на квартире у СЛЕПКОВА, АСТРОВА и др.

Но здесь предварительно необходимо сказать несколько слов о т.н. «капитуляции» правых, происшедшей в несколько приемов.

Нам было совершенно очевидно, что дальнейшее продолжение открытой борьбы приведет к полному разгрому всего кадрового состава организации, к потере всякого авторитета лидеров ее, к ряду репрессий и т.д. Мы, правые, в открытых выступлениях – на пленумах ЦК и на некоторых собраниях парторганизации – были идейно биты: не было и речи о каком-либо завоевании большинства. В профсоюзах где, казалось бы, авторитет ТОМСКОГО был непререкаем, в московской организации (еще ранее), коей управлял УГЛАНОВ, в соваппарате, где были связи у РЫКОВА, даже в Коминтерне, где работал я – повсеместно партия одерживала победы, и наши сторонники были изолированными кучками. Отсюда мы пришли к мысли о необходимости «капитуляции» и о переходе к двурушнической тактике.

Пожалуй, интересно отметить, что и ранее того <неразб.> нашей (правой) среде т.н. «нефракционной фракции» <неразб.> таких методов проведения своих взглядов, которые (методы) в то же время предохраняли бы правых от разгрома, (а это был вывод из опыта борьбы троцкистов и зиновьевцев против партии) – послужили основой для формулирования двурушнической тактики.

Это был переход к двойной бухгалтерии, то-есть к маскировке, т.е. к нелегальщине, как принципу работы, т.е. к нарушению не только партийной, но и общесоветской, конституционной, государственной легальности.

Этот переход к нелегальным методам борьбы неизбежно привел, в силу логики продолжения борьбы, к исключительно тяжким последствиям и к все возрастающей вредности организации правых. Прежде всего, «тройка», формально капитулировавшая⁴, превратилась теперь в нелегальный центр правой организации.

Близко к этому центру стоял и А.С. ЕНУКИДЗЕ. ЕНУКИДЗЕ был известен, как человек либерально-обывательского склада и в то же время, как человек, сочувствовавший правым. ТОМСКИЙ неоднократно с ним беседовал и сообщал ему <неразб.> соответствующих настроениях по отношению к экономической политике, и по отношению к вопросам «внутрипартийного режима». У меня были тоже встречи с ЕНУКИДЗЕ, во время которых он высказывал явное сочувствие ко мне, РЫКОВУ и ТОМСКОМУ, как к «обиженным». ТОМСКИЙ рекомендовал его, как человека «своего», который в силу своего служебного положения, связей и возможностей может пригодиться. Таким образом, ЕНУКИДЗЕ оказался вовлеченным в орбиту внимания правого центра и через ТОМСКОГО стал в близкие к нему отношения.

Далее. К этому времени в порядке партийной репрессии многие участники организации разъезжались по разным городам: в Воронеж, Самару, Ленинград, Новосибирск и т.д. и т.п. Предварительно, до их отъезда, по этому поводу имело себе место обсуждение вопроса членами правого центра, и мы решили, что «нет худа без добра», и что факт рассылки этих людей на места может быть использован по разным направлениям, в первую очередь, по линии сбора информации о положении дел на местах (ибо официальным статистическим данным мы уже ни в коем случае не верили), а затем – и это главное – для сколачивания новых кадров на периферии, для вербовки новых сторонников в целях продолжения борьбы с партией и расширения <неразб.> кадров контрреволюционной правой организации.

Эта работа и проводилась на местах, причем время от времени люди наезжали в Москву, сообщали о настроениях на местах, о местных работниках, о своих «успехах» в деле подбора кадров контрреволюционной правой организации. Обычно эта информация передавалась не на совещаниях центра, а другими путями: эти приезжавшие заходили ко мне или к ТОМСКОМУ или к РЫКОВУ и рассказывали о положении дел, а тот, кто получал сведения, при встречах с другими передавал в свою очередь о них. Я лично продолжал бывать на квартире у СЛЕПКОВА, МАРЕЦКОГО, АСТРОВА и получал иногда информацию и таким путем. Не могу вспомнить, было ли совещание всей «тройки» с докладом кого-либо из приезжавших, но не исключено и такого случая. В свою очередь мы, т.е. члены правого центра, всецело одобряли эту деятельность, давали советы, рекомендовали сугубую осторожность и тщательный подбор людей, предостерегали от провалов, говорили о собирании особо интересовавших нас сведений, давали новые импульсы к продолжению антисоветской работы на местах.

Вербовка людей шла таким образом непрерывно. Из вопросов, имевших особое значение, следует отметить информацию РЫКОВА о ЯГОДЕ. РЫКОВ, который был в свое время связан с ЯГОДОЙ (вернее, наоборот) однажды сообщил, что ЯГОДА заявил себя нашим сторонником, но что он, ЯГОДА, желает держаться на особо конспиративном положении в силу рода своей службы, и что это особо-конспиративное положение нужно тщательнейшим образом оберегать.

VII. Переход к тактике насильственного свержения руководства

В начале лета 1932 года вновь стал вопрос о платформе правых. Платформа 1929 г. устарела: за это время многое уже изменилось в стране, что требовало политического учета.

На совещании центра правых, если не ошибаюсь, на даче у ТОМСКОГО, было решено приступить к выработке новой платформы, причем договорились, что для этой новой платформы могли быть использованы те части платформы 1929 года, которые еще не устарели и сохраняют свою силу. Критика партийного режима, «диктатуры Сталина», переход к методам насильственного свержения руководства стали тут в порядок дня.

На этом совещании тройки, где присутствовал и УГЛАНОВ было решено, что платформу будут выработать «ребята» УГЛАНОВА. УГЛАНОВ принял это поручение, и через некоторое время платформа была выработана, причем в основу ее легли вышеуказанные установки. Она получила известность под именем рютинской платформы, однако была платформой всей правой контрреволюционной организации в совокупности: ее идейные основы – критика экономической политики партии и правительства, критика внутрипартийного режима и т.д.; ее теоретические предпосылки, – <неразб.> это представлял лишь дальнейшее историческое развитие наших взглядов.

Рютинская группа должна была прикрыть то обстоятельство, что платформа является платформой всей правой организации в целом: это был псевдоним, под коим выступала организация правых, псевдоним, обеспечивавший от ударов центр и организацию в целом.

Платформа эта была выпущена под руководством УГЛАНОВА. Техническая сторона дела мне неизвестна, и я с ней в готовом виде не успел ознакомиться, так как к моменту ее выпуска уехал в отпуск, а установочные ее моменты я знал, как видно из предыдущего изложения.

⁴ Так в тексте.

Уехал я в отпуск, предварительно дав от имени центра правых согласие на созыв совещания из периферийных работников контрреволюционной организации правых, инициатива созыва коего принадлежала, если не ошибаюсь, А. СЛЕПКОВУ, летом 1932 года приехавшему из Самары в Москву и являвшегося главной организаторской силой т.н. «школки».

Эта конференция и состоялась в конце лета 1932 года в мое отсутствие, причем связь ее с центром правых поддерживалась через М.П. ТОМСКОГО, который был связан со СЛЕПКОВЫМ и другими через посредство одного из ближайших друзей А. СЛЕПКОВА, ЖИРОВА, работавшего в ОГИЗ'е, во главе которого работал ТОМСКИЙ.

За это же время была обсуждена на совещании у ТОМСКОГО, где присутствовали, как мне после рассказывал ТОМСКИЙ или РЫКОВ, сам ТОМСКИЙ, РЫКОВ, УГЛАНОВ и, кажется В. ШМИДТ, рютинская платформа, как платформа всей контрреволюционной организации правых в целом; здесь она получила таким образом свою официальную санкцию от имени руководства правых. Центр утвердил также и решения конференции, где, помимо докладов с мест и информации, обсуждалась и рютинская платформа со всеми ее выводами, а именно, курсом на «дворцовый переворот», террор и блок с троцкистско-зиновьевской организацией.

Когда я приехал из отпуска, большинство участников конференции было уже арестовано.

Здесь уместно остановиться более подробно на некоторых вопросах, связанных с конференцией. Прежде всего, идея «дворцового переворота». Эта мысль всплывала и ****много раньше****, сперва со стороны ТОМСКОГО, который был связан с ЕНУКИДЗЕ и, очевидно, натянулся на мысль о возможности использовать служебное положение этого лица, в руках которого сосредотачивалась охрана Кремля, в том числе и школа курсантов ЦИК'а. К тому же в бытность РЫКОВА пр. Совнаркома, можно было говорить и об использовании служебного положения последнего.

На первых порах эта идея носила скорее теоретический характер. Я не могу, припомнить, какие лица, когда и где говорили в ту пору о дворцовом перевороте, но не исключая того, что я сам вел такие разговоры с кем-либо из участников моей группы.

Однако, логика борьбы, закрытие путей для легального получения большинства в партии, полное поражение в открытой борьбе, переход к двурушнической тактике и нелегальным методам борьбы сделали свое дело, и эта идея получила уже серьезный смысл. Связь ТОМСКОГО с ЕНУКИДЗЕ и связь РЫКОВА с ЯГОДОЙ, о чем речь была выше, послужили практической основой для соответствующих практических выводов.

ТОМСКИЙ рассказал мне однажды, уже после моего приезда, что ЕНУКИДЗЕ согласен на то, чтобы возглавить этот переворот, что ЯГОДА тоже принимает в этом участие и что ЕНУКИДЗЕ завербовал для этого дела и коменданта Кремля, ПЕТЕРСОНА, который был раньше, как известно, начальником т.н. поезда ТРОЦКОГО. Так созрел план государственного переворота.

Далее. Первоначальные попытки установления блока с другими контрреволюционными организациями (зиновьевцами и троцкистами) не прекращались. Из информационных сообщений периферийных работников контрреволюционной организации правых я, равно как и другие члены центра, знал, что на местах есть большая тяга к установлению контакта между правыми, троцкистами и зиновьевцами. Это рассказывал СЛЕПКОВ о Самаре, МАРЕЦКИЙ – о Ленинграде, это рассказывал АЙХЕНВАЛЬД о Москве и т.д., причем, если не ошибаюсь, речь шла, главным образом, о молодежи. Известно было всем также и о так называемом «праволевацком блоке», – СЫРЦОВА ЛОМИНАДЗЕ, блоке, который выражал по существу ту же самую тенденцию.

Таким образом, поиски союзников со стороны правых на местах послужили до известной степени новой базой для поисков верхушечных контактов и соглашений.

При этих соглашениях, связях и контактах на местах тогда почти выявлялась та тенденция, что зиновьевцы, ****и**** в особенности троцкисты, ориентировались на террор и видели в нем альфу и омегу тактики, тогда как участники правой контрреволюционной организации, признавая террор как метод борьбы с партией, центр тяжести все же видели в массовых действиях, (крестьянские восстания), в серьезных политических выступлениях. Идея же государственного переворота на первых порах не имела массового распространения по причинам понятного свойства и обсуждалась в центре организации и в близких к нему кругах.

Эта связь контрреволюционных группировок на местах послужила добавочным стимулом очень сильного свойства и для верхушечного соглашения. Оно, это соглашение, произошло не в виде какого-либо единого и однократного формального акта, а в виде ряда контактных разговоров между представителями различных контрреволюционных группировок.

Я разговаривал с ПЯТАКОВЫМ, ТОМСКИМ и РЫКОВ с СОКОЛЬНИКОВЫМ и КАМЕНЕВЫМ. С ПЯТАКОВЫМ у меня происходил разговор в НКТП (примерно летом 1932 г.). Он начался обменом мнений по поводу общего положения в стране. ПЯТАКОВ сообщил мне о своей встрече в Берлине с СЕДОВЫМ о том, что ТРОЦКИЙ настаивает на переход к террористическим методам борьбы против сталинского руководства и о необходимости консолидации всех анти-советских сил в борьбе за свержение «сталинской бюрократии». Я говорил ПЯТАКОВУ, что консолидация вещь хорошая, но нужна общая основа для такого объединения. ПЯТАКОВ ****напирал**** на террор, я **весьма скептически относился к этому методу борьбы, считая его** специфическим порождением троцкистского бешенства и озлобленности при малом политическом разуме. Но в общем и целом мы сошлись на необходимости координации действий, полагая, что разногласия так или иначе изживутся в ходе совместной борьбы и при сближении «старых кадров».

ТОМСКИЙ и РЫКОВ договаривались⁵ с КАМЕНЕВЫМ и СОКОЛЬНИКОВЫМ, не помню уже в какой комбинации и кто именно с кем: мне запомнились лишь эти имена. Помню, что ТОМСКИЙ особенно энергично защищал идею блока, гораздо решительнее высказывался за необходимость свержения советской власти и доказывал необходимость того блока, между прочим, и тем, что для совершения государственного переворота нужна концентрация всех серьезных сил. При этом указывал снова и на роль ЕНУКИДЗЕ и ЯГОДЫ, о чем говорил и РЫКОВ.

Речь шла таким образом о свержении правительства и создании своего правительства, состав которого тогда ближайше не намечался.

Итак, к концу 1932 года сложился блок между контрреволюционными организациями правых, зиновьевцев и троцкистов в общем на основе т.н. рютинской платформы, со всеми ее установками, идущими по линии террора, восстания, государственного переворота.

Среди участников контрреволюционной организации правых были к тому времени (1932 год) террористические настроения: они прорывались и в «школке» (КУЗЬМИН, САПОЖНИКОВ), и у группы МАТВЕЕВА (углановцы), и у

⁵ Так в тексте.

сторонников РЫКОВА (РАДИН, НЕСТЕРОВ) и среди профсоюзников (КОЗЕЛЕВ); эти настроения получили свое оформление на основе т.н. рютинской платформы; нельзя, мне кажется, представить себе организацию правых, как террористическую в собственном смысле слова, ибо не здесь лежал центр тяжести контрреволюционной тактики правых; но внутри организации росли террористические группы, которые заложили твердую базу в основных установках «рютинской платформы», санкционированной правым центром.

К этому периоду времени надо отнести и создание ****другой**** группы заговорщиков в Красной Армии. Мне об этом известно из двух источников: от ТОМСКОГО и ЕНУКИДЗЕ, которые говорили мне, что в Красной Армии в верхушке командного состава, произошло объединение троцкистско-зиновьевских элементов с правыми. Из лиц, которые были ими названы помню ТУХАЧЕВСКОГО, КОРКА, ПРИМАКОВА и ПУТНА.

Связь руководства военной организации с нашим ****центром**** осуществлялась через ЕНУКИДЗЕ.

Из важнейших фактов контрреволюционной и заговорщической деятельности к концу 1932 года – началу 1933 года следует остановиться на создании общего центра, куда входили правые ТОМСКИЙ и РЫКОВ, зиновьевцы – КАМЕНЕВ, СОКОЛЬНИКОВ, троцкисты – ПЯТАКОВ, военные – ТУХАЧЕВСКИЙ, КОРК и ЯГОДА. Об образовании такого центра мне сообщил в свое время ТОМСКИЙ, который был ближайшим образом связан с ЕНУКИДЗЕ и лучше меня ориентировался в соответствующих кругах.

Я с большим внутренним скрипом согласился на то, чтобы правые послали туда своих представителей. Не помню конкретно той обстановки, в которой происходило соответствующее решение центра правых и не могу сказать, собирался ли когда-либо этот объединенный центр; члены этого центра говорили друг с другом порознь и связь между ними была спорадической. Центр этот ставил своей задачей объединение всех антисоветских сил в стране для свержения правительства. В этих целях была создана группа ЕНУКИДЗЕ в Кремле, военная организация с участием троцкистов и правых.

Перед 17 партийным съездом в центре правых стоял, по инициативе ТОМСКОГО, вопрос о возможности ареста Сталина и приурочения государственного переворота к этому моменту. Я решительно возражал против этого. Вопрос ****не был**** вынесен на обсуждение общего центра и, как мне говорил ТОМСКИЙ, против этого возражали троцкисты и зиновьевцы. Здесь необходимо остановиться на связях с меньшевиками и эсерами. Прежде всего, нужно отметить, что у РЫКОВА были стародавние связи с меньшевиками через НИКОЛАЕВСКОГО, видного русского меньшевика, родной брат которого – В. НИКОЛАЕВСКИЙ, женат на сестре А.И. Рыкова. РЫКОВ поддерживал через НИКОЛАЕВСКОГО связь с зарубежными меньшевиками и держал их в курсе советских дел вообще и контрреволюционной деятельности организации правых – в частности и в особенности. В свою последнюю поездку за границу (весна 1936 года) мне удалось встретиться и долгое время быть с НИКОЛАЕВСКИМ, с которым я и В.В. АДОРАТСКИЙ (на службе у последнего по делам ин-та М[аркса-]Э[нгельса] НИКОЛАЕВСКИЙ состоял) ездили из Парижа в Голландию и Данию, при чем, в Коопенгагене все мы жили в одной гостинице. Здесь я, по указанию Рыкова, до связи его с НИКОЛАЕВСКИМ, рассказал последнему о «рютинской» платформе и о блоке с троцкистами и зиновьевцами, при чем обнаружилось, что НИКОЛАЕВСКИЙ об этом уже знал, и что меньшевики согласны быть в контакте на данной основе с объединенными контрреволюционными группировками.

Много ранее, до лета 1932 г. я пытался установить через СЕМЕНОВА, эсера, с которым у меня сложились хорошие отношения, контакт с эсерами в СССР. При этом мы – правые исходили из того, что в случае кулацких движений необходимо использовать несомненно имеющиеся эсеровские связи в этой среде, что блок с эсерами допустим так же, как он был допустим в свое время, когда партия входила на базе крестьянского вопроса в блок с левыми эсерами.

Поэтому СЕМЕНОВУ были даны мною указания об установлении контакта с крупными эсерами и эсеровскими группами на местах.

Нужно также заметить, что связи с эсерами были у Фомы СМЕРНОВА, который имел их, эти связи, – среди работников НКЗема.

Наконец, я должен показать, что в мае 1934 г. ко мне заходил С.Б. ЧЛЕНОВ, которого я знал еще по очень стародавним временам (1905–1906–1907 г.г.), а затем по работе в Свердловском университете, где он читал лекции. Последнее время я его встречал редко, т.к. он к тому же почти все время работал за границей. В конце разговора я сказал ему об объединении антисоветских сил, а затем стал спрашивать его – не приходится ли ему за границей сталкиваться с лидерами партий, меньшевиками и эсерами, и не может ли он прощупать их настроения на предмет установления контакта с их организациями.

ЧЛЕНОВ обещал проделать эту работу. Но в следующий приезд он только глухо успел сказать, что эсеры требуют каких-то формальностей, но в принципе не возражают против контакта.

После убийства С.М. Кирова, в связи с тем, что ЦК обратил серьезное внимание на работу НКВД, создалась опасность всеобщего разгрома всех контрреволюционных организаций. Однако ЯГОДА все-же удалось направить удар только на троцкистов и зиновьевцев (хотя и не до конца), прикрыв организации правых. Провал ЕНУКИДЗЕ (1935 г.) перенес роль последнего по подготовке переворота в Кремле на самого ЯГОДУ, в руках которого очутилась непосредственная охрана Кремля.

За последние годы (1934–1935 г.г.) у ТОМСКОГО была непосредственная связь с ПЯТАКОВЫМ и СОКОЛЬНИКОВЫМ, как членами параллельного центра, с которым М. ТОМСКИЙ находился в контакте, я же был связан с К. РАДЕКОМ.

С РАДЕКОМ у меня были многочисленные встречи. Эти встречи легко было объяснить нашей совместной работой в редакции «Известий» и в силу соседства на даче.

Летом 1934 г. я был у РАДЕКА на квартире при чем РАДЕК сообщил мне о внешне-политических установках Троцкого. РАДЕК говорил, что Троцкий, форсируя террор, все же считает основным шансом для прихода к власти блока поражение СССР в войне с Германией и Японией, и в связи с этим выдвигает идею сговора с Германией и Японией за счет территориальных уступок (немцам – Украину, японцам – Дальний Восток). Я не возражал против идеи сговора с Германией и Японией, но не был согласен с Троцким в вопросе размеров и характера уступок.

Я говорил, что в крайнем случае могла бы идти речь о концессиях или об уступках в торговых договорах, но что не может быть речи о территориальных уступках. Я утверждал, что скоропалительность Троцкого может привести к полной компрометации его организации, а также и всех троцкистских ****союзников****, в том числе и правых, т.к. он не понимает гигантски возросшего массового патриотизма народов СССР.

Не помню точно в каком м[есяц]е 1934 г. я зашел к РАДЕКУ на квартиру, чтобы прочитать ему написанную мною статью. Там я неожиданно застал человека, о котором РАДЕК сказал, что это МРАЧКОВСКИЙ. МРАЧКОВСКИЙ, зная о моей роли в блоке, с места в карьер поставил вопрос о терроре, стал допытываться, что делается в этом отношении

у правых, но я уклонился от этого разговора в его конкретной части, заявив ему, что он знает о т.н. рютинской платформе и, следовательно, об общих установках правых. Вскоре после этого я ушел.

Летом 1935 г. я сидел на веранде радековской дачи, как вдруг на машине приехали к нему три немца, которых РАДЕК рекомендовал мне, как немецких фашистских профессоров. С моей стороны разговор состоял в нападении на т.н. «расовую теорию», а РАДЕК сделал очень резкий выпад против Гитлера, после чего я вскоре ушел. Впоследствии РАДЕК сказал мне, что один из немцев был БАУМ, что он и раньше имел с ним, по поручению Троцкого, дела, что он, РАДЕК, информировал БАУМА о троцкистско-зиновьевском блоке и о правых, но что он не хотел разговаривать с БАУМОМ в присутствии других лиц и что поэтому он, мол, и сорвал разговор своим выпадом против Гитлера, дав таким образом понять, что он в такой обстановке разговаривать⁶ вообще не желает.

Затем у меня с РАДЕКОМ был большой разговор на Сходне (на даче) по вопросам международной политики, где я говорил, что многие в СССР, напуганные теорией организованного капитализма, не видят реальных мероприятий⁷, в первую очередь, экономического характера, идущих по линии государственного капитализма (в Италии и Германии прежде всего), и что нельзя недооценивать этих мероприятий. Политический вывод, который я здесь делал, состоял в том, чтобы решительнее вести курс на удовлетворение массовых потребностей, и опять повторил, что ни о каких территориальных уступках не может быть речи, а о торговых можно говорить, и что не исключены возможности уступок при поставках сырья.

Вспоминаю еще один важный разговор, в котором РАДЕК глухо рассказывал, что получены какие-то новые директивы от Троцкого и по внешней и по внутренней политике. Помню, что меня возмутил вообще этот модус каких-то приказов Троцкого, к которому ум троцкисты относились, как чуть ли ни к военным приказам единоличного полководства. РАДЕК намекнул мне на то, что речь шла о каких-то новых переговорах Троцкого с Германией или с Англией, но этим ограничился, рассказав о директиве Троцкого на вредительство.

После моего приезда из-за границы я тоже имел неоднократные встречи с РАДЕКОМ. РАДЕКУ я рассказал о том, что видел «**того** Дана», а также о своих разговорах с НИКОЛАЕВСКИМ, о чем я показал уже выше. РАДЕК заявил, что он вполне одобряет контакт с меньшевиками и что это может пригодиться и в случае каких-либо провалов. Я сообщил на это, что НИКОЛАЕВСКИЙ **говорил** о соответствующей компании за границей в случае нашего провала.

Вскоре после пленума ЦК, где ЯГОДА делал доклад об арестах троцкистов и зиновьевцев, я подробно информировал РАДЕКА о пленуме и докладе ЯГОДЫ, при чем говорил, что ряд лиц – в том числе БУСЫГИН и КОШЕЛЕВ – никогда не были, насколько я знаю, троцкистами, а были правыми.

Я также отметил, что о правых в докладе ЯГОДЫ не было сказано ни слова, из чего я заключал, что ЯГОДЕ на этот раз

Л.50:

удалось вывести из-под удара нашу организацию, т.е. правых.

Кроме этих, так сказать, концентрированных разговоров, были более короткие и более случайные встречи, где происходил короткий обмен мнениями. Из этих разговоров наиболее, насколько помнится, существенными моментами являются следующие:

1. РАДЕК сообщил, что ТРОЦКИЙ все время форсирует террор;
2. РАДЕК говорил о том, что он связан с военными (ПРИМАКОВ, ПУТНА, насколько я вспоминаю);
3. РАДЕК говорил, что ему от ПЯТАКОВА и СОКОЛЬНИКОВА известно о существовании об»единенного центра и военной организации;
4. РАДЕК рассказывал мне также о своих поездках в Тулу и Горький, где он связывался с тамошними троцкистскими кружками, при чем внешним поводом для этих поездок ему служили доклады о международном положении. В частности в Горький РАДЕК ездил для встречи с участником троцкистской организации ШМИТОМ, работавшим, если не ошибаюсь, культпропом Обкома.

Настоящие показания дают общую картину развития контрреволюционной деятельности правых и их союзников, при чем, если понадобится эти показания могут быть детализованы и уточнены показания будут <...> детализованы, уточнены и дополнены. <неразб>.

Н.И.БУХАРИН

{подпись}⁸
2 июня 1937 г.

⁶ Так в тексте.

⁷ Так в тексте.

⁸ Подписью Бухарина заверена каждая из страниц документа, однако заверяющих подписей следователей нет.